



Если

О, если разум сохранить сумеешь,
Когда вокруг безумие и ложь,
Поверить в правоту свою – посмеешь,
И мужество признать вину – найдешь,
И если будешь жить, не отвечая
На клевету друзей обидой злой,
Горящий взор врага гасить, встречая,
Улыбкой глаз и речи прямою,
И если сможешь избежать сомненья,
В тумане дум воздвигнув цель-маяк...

ГОМЕР ВСЕ НА СВЕТЕ ЛЕГЕНДЫ ЗНАЛ...

Перевод А. Щербакова

Гомер все на свете легенды знал,
И все подходящее из старья
Он, не церемонясь, перенимал,
Но с блеском, – и так же делаю я.

А девки с базара да люд простой
И все знатоки из морской братвы
Смекали: новинки-то с бородой, —
Но слушали тихо – так же, как вы.

Гомер был уверен: не попрекнут
За это при встрече возле корчмы,
А разве что дружески подмигнут,
И он подмигнет – ну так же, как мы.

ОБЩИЙ ИТОГ

Перевод К. Симонова

Далеко ушли едва ли
Мы от тех, что попирали
Пяткой ледниковые холмы.

Тот, кто лучший лук носил, —
Всех других поработил,
Точно так же, как сегодня мы.

Тот, кто первый в их роду
Мамонта убил на льду,
Стал хозяином звериных троп.

Он украл чужой челнок,
Он сожрал чужой чеснок,
Умер – и зацапал лучший гроб.

А когда какой-то гость
Изукрасил резьбой кость —
Эту кость у гостя выкрал он,

Отдал вице-королю,
И король сказал: «Хвалю!»
Был уже тогда такой закон.

Как у нас – все шито-крыто,
Жулики и фавориты
Ели из казенного корыта.

И секрет, что был закрыт
У подножья пирамид,
Только в том и состоит,

Что подрядчик, хотя он
Уважал весьма закон,
Облегчил Хеопса на мильон.

А Иосиф тоже был
Жуликом по мере сил.
Зря, что ль, провиантом ведал он?

Так что все, что я спою
Вам про Индию мою,
Тыщу лет не удивляет никого —

Так уж сделан человек.
Ныне, присно и вовек
Царствует над миром воровство.

Серые глаза – рассвет...

Перевод К. Симонова

Серые глаза – рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Черные глаза – жара,
В море сонных звезд скольженье,
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.

Синие глаза – луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза – песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.

Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник

Синих, серых, карих, черных.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю – в том нет вины —
Все четыре этих цвета.

LA NUIT BLANCHE*

Перевод М. Фромана

* Бессонная ночь (фр.)

Словно в зареве пожара
Я увидел на заре,
Как прошла богиня Тара,
Вся сияя, по горе.
Изменяясь, как виденья,
Отступали горы прочь.
Было ль то землетрясенье,
Страшный суд, хмельная ночь?

В утра свежем дуновенье
Видел я – верблюды ко мне
Вне законов тяготенья
Подымался по стене,
И каминная задвижка
Пела с пьявками, дрожа,
Распаленная мартышка
Сквернословила, визжа.

С криком неся в дикой скачке
Весь багровый, голый гном,
Говорили о горячке
И давали в ложке бром,

А потом загнали в нишу
С мышкой, красной как луна,
Я просил: «Снимите крышу,
Давит голову она!»

Я молил, ломая руки, —
Врач сидел как истукан, —
Что меня спасти от муки
Может только океан.
Он плескался подо мною,
Пену на берег гоня,
И понадобились трое,
Чтобы сбросить вниз меня.

И шампанским зашипели,
Закружились надо мной
Семь небес, как карусели,
И опять возник покой;
Но осталась, чуть мигая,
Вкось прибитая звезда,
Я просил сестру, рыдая,
Выпрямить ее тогда.

Но молчанье расколосось,
И в мой угол донесло,
Как диктует дикий голос
Бесконечное число
И рассказ: «Она сказала,
Он сказал, и я сказал...»

А луну, что мне сияла,
В голове я отыскал.

И слепец какой-то, плача,
Слез не в силах удержать,
Укорял меня, что прячу
Где-то я луну опять.
Стало жаль его немного,
Но он свистнул у стены.
И пресек мою дорогу
Черный Город Сатаны.

И на месте, спотыкаясь,
Я бежал, бежал года,
Занавеска, раздуваясь,
Не пускала никуда.
Рев возник и рос до стога
Погибающих миров —
И упал, почти до звона
Телеграфных проводов.

Лишь одна звезда светила
В напряженной тишине
И, хихикая, язвила
И подмигивала мне.
Звезды с высоты надменной
Ждали, кто бы мне помог.
От презренья всей вселенной
Я ничем спастись не мог.

Но живительным дыханьем
День вошел и засиял,
Понял я – конец страданьям,
И я к Господу воззвал.
Но, забыв, о чем молиться,
Я заплакал, как дитя,
И смежил мне сном ресницы
Ветер утренний, шутя.

ДУРАК

Перевод К. Симонова

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как Вы и Я)
Тряпкам, костям и пучку волос —
Все это пустою бабой звалось,
Но дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

О, года, что ушли в никуда, что ушли,
Головы и рук наших труд —
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем – не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Что дурак растранижил, всего и не счесть
(Впрочем, как Вы и Я) —
Будущность, веру, деньги и честь.
Но леди вдвое могла бы съесть,
А дурак —на то он дурак и есть
(Впрочем, как Вы и Я).

О, труды, что ушли, их плоды, что ушли,
И мечты, что вновь не придут, —
Все съела она, не хотевшая знать

(А теперь-то мы знаем – не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Когда леди ему отставку дала
(Впрочем, как Вам и Мне),
Видит Бог! Она сделала все, что могла!
Но дурак не приставил к виску ствола.
Он жив. Хотя жизнь ему не мила.
(Впрочем, как Вам и Мне.)

В этот раз не стыд его спас, не стыд,
Не упреки, которые жгут, —
Он просто узнал, что не знает она,
Что не знала она и что знать она
Ни черта не могла тут.

БАЛЛАДА О ЦАРСКОЙ ШУТКЕ

Перевод А. Оношкович-Яцына

Когда в пустыне весна цветет,
Караваны идут сквозь Хайберский проход.
Верблюды худы, но корзины тучны,
Вьюки переполнены, пусты мошны,
Засыпаны снегом, долгие дни
Спускаются с Севера в город они.

Была бирюзовой и хрупкой тьма,
Караван отдыхал у подножья холма
Над кухней стоял синеватый дымок,
И о гвозди палатки стучал молоток,
И косматые кони кое-где
Тянули веревки свои к еде,
И верблюды, глухой издавая звук,
Растянулись на четверть мили на Юг,
И персидские кошки сквозь сизый мрак
Фыркали злобно с тюков на собак,
Торопили обед то там, то тут,
И мерцали огни у форта Джемруд.
И неся на крыльях ночных ветров
Запах верблюдов, курений, ковров,
Дым, голоса и звук копыт,
Говоря, что Хайберский торг не спит.

Громко кипел мясной котел.
Отточили ножи – и я пришел
К погонщику мулов Магбуб-Али,
Который уздечки чинил вдали
И полон был сплетен со всей земли.
Добрый Магбуб-Али говорит:
«Лучше беседа, когда ты сыт».
Опустили мы руки, как мудрецы,
В коричневый соус из жирной овцы,
И тот, кто не ел из того котла,
Не умеет добра отличить от зла.

Мы сняли с бород бараний жир,
Легли на ковры, и наполнил нас мир,
На Север скользил разговор и на Юг,
И дым ему вслед посылал чубук.

Великие вещи, все, как одна:
Женщины, Лошади, Власть и Война.
О войне мы сказали немало слов,
Я слышал вести с русских постов:
Наточенный меч, а речи что мед,
Часовой в шинели среди тихих болот.
И Магбуб-Али глаза опустил,
Как тот, кто намерен басни плести,
И молвил: «О русских что скажешь, друг?
Когда ночь идет, все серо вокруг.
Но мы ждем, чтобы сумрак ночи исчез
В утреннем зареве алых небес.

Прилично ли, мудро ли, так повторю,
О врагах Царя говорить Царю?
Мы знаем, что скрыли Небо и Ад,
Но в душу Царя не проникнет взгляд.
Незваного друга проклял бог,
Вали Дад подтвердить бы это мог».

Был отец его щедр на слова и дела,
Кудахчущей курицей мать была,
И младенец рос среди стариков
И наследовал горе несчетных слов
И с ним безумье, – и вот дерзнул
Ждать, что его почитит Кабул.
Побывал далеко честолубец тот,
На границе, где серых шинелей взвод.

Я тоже там был, но я счастлив,
Ничего не видал, молчал – и жив.
Как дыханье, ловил он молвы полет,
Что «этот знает», что «молвил тот»,
Басни, что мчались из уст к устам,
О серых шинелях, идущих к нам,
Я слышал тоже, но эта молва
Исчезает весной, как сухая трава.

Богом забыт, нетерпеньем объят,
Обратно в столицу скакал Вали Дад,
В полный Дурбар, где был весь двор,
И с Вождем Войны Царь вел разговор.

Густую толпу растолкал он плечом
И, о чем слышал, рассказал о том.
Красный Вождь улыбнулся я – ни дать ни взять
Так на лепет сына смеется мать,
Но тот, кто б смеялся, смеялся зря
Перед темным, как смерть, лицом Царя.
Нехорошо, придя в Дурбар,
Голосить о войне, как будто пожар.
К цветущей айве на старый вал
Его он отвел и там сказал
«Будут хвалить тебя вновь и вновь,
Доколе за сталью следует кровь
Русский идет с войной впереди.
Ты осторожен. Так ты и жди!
Смотри, чтоб на дереве ты не заснул,
Будет недолгим твой караул.
Русский идет, говоришь ты, на нас.
Будет, наверно, он здесь через час.
Жди, карауль! А завидишь гостей,
Громче зови моих людей».

Прилично ли, мудро ли, так повторю,
О его врагах говорить Царю?
Стража, чтоб он не сбежал, стерегла,
Двадцать штыков – вокруг ствола.
И сыпался цвет, как снежинки, бел,
Когда, содрогаясь, он вниз глядел.
И волею бога – велик он один! —
Семь дней над судьбою он был господин.

Потом обезумел; со слов людей,
Он прыгал медведем среди ветвей,
И ленивцем потом, и сорвался вниз,
И, стеная, летучей мышью повис.
Развязалась веревка вокруг руки,
Он упал, и поймали его штыки.
Прилично ли, мудро ли, так повторю,
О врагах Царя говорить Царю?
Мы знаем, что скрыли Небо и Ад,
Но в душу Царя не проникнет взгляд.
Кто слышал о серых шинелях, друг?
Когда ночь идет, все серо вокруг.
Великие вещи, две, как одна:
Во-первых – Любовь, во-вторых – Война,
Но конец Войны затерялся в крови —
Мое сердце, давай говорить о Любви!

СТИХИ О ТРЕХ КОТИКОЛОВАХ

Перевод В. и М. Гаспаровых

В японских землях, где горят
бумажные фонари,
У Бладстрит Джо на всех языках
болтают и пьют до зари.
Над городом веет портовый шум,
и не скажешь бризу, не дуй!
От Иокогамы уходит отлив,
на буй бросая буй.
А в харчевне Циско вновь и вновь
говорят сквозь водочный дух
Про скрытый бой у скрытых скал,
Где шел «Сполох» и «Балтику» гнал,
а «Штральзунд» стоял против двух.

Свинцом и сталью подтвержден, закон Сибири
скор.
Не смейте котиков стрелять у русских Командор!
Где хмурое море ползет в залив меж береговых
кряжей,
Где бродит голубой песок, там матки ведут
голышей.
Яресь от похоти, секачи ревут до сентября,
А после неведомой тропой уходят опять в моря.

Скалы голы, звери черны, льдом покрылась мель,
И пазори играют в ночи, пока шумит метель.

Ломая айсберги, лед круша, слышит угрюмый бог,
Как плачет лис и северный вихрь трубит в свой
снежный рог.

Но бабы любят щеголять и платят без помех,
И вот браконьеры из года в год идут по запретный
мех.

Японец медведя русского рвет, и британец не хуже
рвет,
Но даст американец-вор им сто очков вперед.

Под русским флагом шел «Сполох», а звездный
лежал в запас,

И вместо пушки труба через борт – пугнуть врага
в добрый час.

(Они давно известны всем – «Балтика»,
«Штральзунд», «Сполох»,

Они триедины, как сам Господь, и надо петь о всех
трех.)

Сегодня «Балтика» впереди – команда котиков
бьет,

И котик, чуя смертный час, в отчаянье ревет.

Пятнадцать тысяч отменных шкур – ей-богу, куш не
плох,

Но, выставив пушкой трубу через борт, из тумана
вышел «Сполох».

Горько бросить корабль и груз – пусть забирает
черт! —

Но горше плестись на верную смерть во
Владивостокский порт
Забывши стыд, как кролик в кусты, «Балтика»
скрыла снасть,
И со «Сполоха» лодки идут, чтоб краденое красть.
Но не успели они забрать и часть добычи с земли,
Как крейсер, бел, как будто мел, увидели вдали:
На фокке плещет трехцветный флаг, нацелен
пушечный ствол,
От соли была труба бела, но дым из нее не шел.

Некогда было травить якоря – да и канат-то плох,
И, канат обрубив, прямо в отлив гусем летит
«Сполох».

(Ибо русский закон суров – лучше пуле подставить
грудь,

Чем заживо кости сгноить в рудниках, где роют
свинец и ртуть)

«Сполох» не проплыл и полных двух миль, и не
было залпа вслед;

Вдруг шкипер хлопнул себя по бедру и рявкнул в
белый свет:

«Нас взяли на пушку, поймали на блеф – или я не
Том Холл!

Здесь вор у вора дубинку украл и вора вор провел!

Нам платит деньги Орегон, а мачты ставит Мэн,

Но нынче нас прибрал к рукам собака Рубен Пэн!

Он шхуну смолил, он шхуну белил, за пушки сошли
два бревна,

Но знаю я «Штральзунд» его наизусть – по
обводам это она!

Встречались раз в Балтиморе мы, нас с ним
дважды видал

Бостон, Но на Командоры в свой худший день
явился сегодня он —

В тот день, когда решился он отсюда нам дать
отбой, —

С липовыми пушками, с брезентовою трубой!

Летим же скорей за «Балтикой», спешим назад во
весь дух,

И пусть сыграет Рубен Пэн – в одиночку против
двух!»

И загудел морской сигнал, завыл браконьерский
рог,

И мрачную «Балтику» воротил, что в тумане шла
на восток.

Вслепую ползли обратно в залив меж водоворотов
и скал,

И вот услышали: скрежещет цепь – «Штральзунд»
якорь свой выбирал.

И бросили зов, ничком у бортов, с ружьями на
прицел.

«Будешь сражаться, Рубен Пэн, или начнем
раздел?»

Ослабился в смехе Рубен Пэн, достав
свежевальный нож

«Да, шкуру отдам и шкуру сдору – вот вам мой дележ!

Шесть тысяч в Иеддо я везу товаров меховых,
А божий закон и людской закон – не северней сороковых!

Ступайте с миром в пустые моря – нечего было лезть!

За вас, так и быть, буду котиков брать, сколько их ни на есть».

Затворы щелкнули в ответ, пальцы легли на курки —

Но складками добрый пополз туман на безжалостные зрачки.

По невидимой цели гремел огонь, схватка была слепа,

Не птичьей дробью котиков бьют – от бортов летела щепка.

Свинцовый туман нависал пластом, тяжелела его синева —

Но на «Балтике» было убито три и на «Штральзунде» два.

Увидишь, как, где скрылся враг, коль не видно собственных рук?

Но, услышав стон, угадав, где он, били они на звук.
Кто Господа звал, кто Господа клял, кто Деву, кто черта молил —

Но из тумана удар наугад обоих навек мирил.

На взводе ухо, на взводе глаз, рот скважиной на

лице,
Дуло на борт, ноги в упор, чтобы не сбить прицел.
А когда затихала пальба на миг – руль скрипел в тишине,
И каждый думал «Если вздохну – первая пуля мне».
И вот они услышали хрип – он шел, туман скребя, —
То насмерть раненный Рубен Пэн оплакивал себя.

«Прилив пройдет сквозь Фанди Рейс, проплещет налегке,
А я не пройду, не увижу следов на темном сыром песке.
И не увижу я волны, и тралеров, тронутых ей,
И не увижу в проливе огней на мачтах кораблей.
Гибель мою в морском бою, увы, я нынче нашел,
Но есть божий закон и людской закон, и вздернут тебя, Том Холл!»

Том Холл стоял, опершись на брус: «Ты сам твердить привык:
Божий закон и людской закон – не северней сороковых!
Предстань теперь пред божий суд – тебе и это честь!
А я утешу твоих вдов, сколько их ни на есть».

Но заговоренное ружье вслепую со
«Штральзунда» бьет,

И сквозь мутный туман разрывной жакан ударил
Тома в живот.

И ухватился Том Холл за шкот, и всем телом повис
на нем,

Уронивши с губ: «Подожди меня, Руб, – нас дьявол
зовет вдвоем.

Дьявол вместе зовет нас, Руб, на убойное поле
зовет,

И пред Господом Гнева предстанем мы, как котик-
голыш предстает.

Ребята, бросьте ружья к чертям, было время счеты
свести.

Мы отвоевали свое. Дайте нам уйти! Эй, на корме,
прекратить огонь! «Балтика», задний ход!

Все вы подряд отправитесь в ад, но мы с Рубом
пройдем вперед!»

Качались суда, струилась вода, клубился
туманный кров,

И было слышно, как капала кровь, но не было
слышно слов.

И было слышно, как борта терлись шов о шов,
Скула к скуле во влажной мгле, но не было слышно
слов.

Испуская дух, крикнул Рубен Пэн: «Затем ли я
тридцать лет

Море пахал, чтобы встретить смерть во мгле, где
просвета нет?

Проклятье той работе морской, что мне давала

хлеб, —

Я смерть вместо хлеба от моря беру, но зачем же
конец мой слеп?

Чертов туман! Хоть бы ветер дохнул сдуть у меня
с груди

Облачный пар, чтобы я сумел увидеть синь
впереди!»

И добрый туман отозвался на крик: как парус,
лопнул по шву,

И открылись котики на камнях и солнечный блеск
на плаву.

Из серебряной мглы шли стальные валы на серый
уклон песков,

И туману вслед в наставший свет три команды
бледнели с бортов.

И красной радугой била кровь, пузырясь по
палубам вширь,

И золото гильз среди мертвецов стучало о
планширь,

И качка едва ворочала тяжесть недвижимых тел, —
И увидели вдруг дела своих рук все, как им бог
велел.

Легкий бриз в парусах повис между высоких рей,
Но никто не стоял там, где штурвал, легли три
судна в дрейф.

И Рубен в последний раз захрипел хрипом уже
чужим.

«Уже отошел? – спросил Том Холл. – Пора и мне

за ним».

Глаза налились свинцовым сном и по дальнему
дому тоской,

И он твердил, как твердят в бреду, зажимая рану
рукой:

«Западный ветер, недобрый гость, солнце сдувает
в ночь.

Красные палубы отмыть, шкуры грузить – и прочь!
«Балтика», «Штральзунд» и «Сполох», шкуры
делить на троих!

Вы увидите землю и Толстый Мыс, но Том не
увидит их.

На земле и в морях он погряз в грехах, черен был
его путь,

Но дело швах, после долгих вахт он хочет лечь и
уснуть.

Ползти он готов из моря трудов, просоленный до
души, —

На убойное поле ляжет он, куда идут голыши.

Плывите на запад, а после на юг – не я штурвал
кручу!

И пусть есиварские девки за Тома поставят свечу.

И пусть не привяжут мне груз к ногам, не бросят
тонуть в волнах —

На отмели заройте меня, как Беринга, в песках.

А рядом пусть ляжет Рубен Пэн – он честно
дрался, ей-ей, —

И нас оставьте поговорить о грехах наших
прошлых дней!..»

Ход наугад, лот вперехват, без солнца в небесах.
Из тьмы во тьму, по одному, как Беринг – на
парусах.

Путь будет прост лишь при свете звезд для
опытных пловцов:

С норда на вест, где Западный Крест, и курс на
Близнецов.

Свет этих вех ясен для всех, а браконьерам
вдвойне

В пору, когда секачи ведут стаю среди камней.

В небо торос, брызги до звезд, черных китов плеск,
Котик ревет – сумерки рвет, кроет ледовый треск.

Мчит ураган, и снежный буран воет русской пургой
—

Георгий Святой с одной стороны и Павел Святой –
с другой!

Так в шквалах плывет охотничий флот вдали от
берегов,

Где браконьеры из года в год идут на опасный лов.

А в Июкогам е сквозь чад твердят,
сквозь водочный дух вслух

Про скрытый бой у скрытых скал,

Где шел «Сполох» и «Балтику» гнал,
а «Штральзунд» стоял против двух.

МИРОВАЯ С МЕДВЕДЕМ

Перевод А. Оношкович-Яцына

Ежегодно, схватив винтовки, белые люди идут
Маттианским проходом в долины поохотиться там
и тут.

Ежегодно сопровождает беспечных белых людей
Матун, ужасный нищий, забинтованный до бровей.

Беззубый, безгубый, безносый, с разбитой речью,
без глаз,

Прозя у ворот подаянье, бормочет он свой рассказ

—

Снова и снова все то же с утра до глубокой тьмы:
«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит,
как мы».

«Кремень был в моей винтовке, был порох
насыпая в ствол

Когда я шел на медведя, на Адам-зада я шел.

Был последним мой взгляд на деревья, был
последним на снег мой взгляд,

Когда я шел на медведя полвека тому назад.

Я знал его время и пору, он – мой; и дерзок, и смел,
Он ночью в маисовом поле мой хлеб преспокойно

ел.

Я знал его хитрость и силу, он – мой; и тихонько брал

Овец из моей овчарни, пока я крепко спал.

Из каменной пещеры, где гордых сосен ряд,
Тяжелый от обеда, бежал медведь Адам-зад,
Ворча, рыча, бушuya, вдоль голых диких скал.
Два перехода на север – и я его догнал.

Два перехода на север – к концу второго дня
Был мной настигнут Адам-зад, бегущий от меня.
Был заряд у меня в винтовке, был курок заранее
взведен
Как человек, надо мною внезапно поднялся он.

Лапы сложив на молитву, чудовищен, страшен,
космат,
Как будто меня умоляя, стоял медведь Адам-зад.
Я взглянул на тяжелое брюхо, и мне показался
теперь
Каким-то ужасно жалким громадный, молящий
зверь.

Чудесной жалостью тронут, не выстрелил я... С тех
пор
Я не смотрел на женщин, с друзьями не вел
разговор.
Подходил он все ближе и ближе, умоляющ, жалок

и стар,

От лба и до подбородка распорол мне лицо удар...

Внезапно, безмолвно, дико железною лапой смят,
Перед ним я упал, безликий, полвека тому назад.
Я слышал его ворчанье, я слышал хруст ветвей,
Он темным годам оставил меня и жалости людей.

С ружьями новой системы идете вы, господа,
Я щупал, как их заряжают, они попадают всегда.
Удача – винтовкам белых, они приносят смерть,
Заплатите, и я покажу вам, что может сделать
Медведь.

Мясо, как головешка, в морщинах, в шрамах, в
узлах —

Матун, ужасный нищий, угощает на совесть и
страх.

«Заберитесь в полдень в кустарник, его подымите
там, —

Пусть он бушует и злится, идите за ним по пятам!

(Заплатите – надену повязку.) Наступает
страшный миг,

Когда на дыбы он встанет, шатаясь, словно старик,

Когда на дыбы он встанет, человек и зверь зараз,

Когда он прикроет ярость и злобу свинячьих глаз,

Когда он сложит лапы, с поникшей головой.

Вот это минута смерти, минута Мировой». Беззубый, безгубый, безносый, прося прохожих подать, Матун, ужасный нищий, повторяет все то же опять.

Зажав меж колен винтовки, руки держа над огнем, Беспечные белые люди заняты завтрашним днем. Снова и снова все то же твердит он до поздней тьмы:

«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы.»

«МЭРИ ГЛОСТЕР»

Перевод А. Оношкович-Яцына и Г. Фиша

Я платил за твои капризы, не запрещал ничего.
Дик! Твой отец умирает, ты выслушать должен его.
Доктора говорят – две недели. Врут твои доктора,
Завтра утром меня не будет... и... скажи, чтоб
вышла сестра.

Не видывал смерти, Дикки? Учись, как кончаем мы,
Тебе нечего будет вспомнить на пороге вечной
тьмы.

Кроме судов, и завода, и верфей, и десятин,
Я создал себя и миллионы, но я проклят – ты мне
не сын!

Капитан в двадцать два года, в двадцать три женат,
Десять тысяч людей на службе, сорок судов
прокат.

Пять десятков среди них я прожил и сражался
немало лет,

И вот я, сэра Антони Глостер, умираю – баронет!
Я бывал у его высочества, в газетах была статья:
«Один из властителей рынка» – ты слышишь, Дик,
это – я!

Я начал не с просьб и жалоб. Я смело взялся за
труд.

Я хватался за случай, и это – удачей теперь зовут.

Что за судами я правил! Гниль и на щели щель!
Как было приказано, точно, я топил и сажал их на
мель.

Жратва, от которой шалеют! С командой не
совладать!

И жирный куш страховки, чтоб рейса риск
оправдать.

Другие, те не решались – мол, жизнь у нас одна.

(Они у меня шкиперами.) Я шел, и со мной жена.

Женатый в двадцать три года, и передышки ни дня,

А мать твоя деньги копила, выводила в люди меня.

Я гордился, что стал капитаном, но матери было
видней,

Она хваталась за случай, я следовал слепо за ней.

Она уломала взять денег, рассчитан был каждый
шаг,

Мы купили дешевых акций и подняли собственный
флаг.

В долг забирали уголь, нам нечего было есть,

«Красный бык» был наш первый клипер, теперь их
тридцать шесть!

То было клиперов время, блестящие были дела,

Но в Макассарском проливе Мэри моя умерла.

У Малого Патерностера спит она в синей воде,

На глубине в сто футов. Я отметил на карте – где.

Нашим собственным было судно, на котором
скончалась она,

И звалось в честь нее «Мэри Глостер»: я молод
был в те времена.

Я запил, минуя Яву, и чуть не разбился у скал,
Но мне твоя мать явилась – в рот спиртного с тех
пор я не брал.

Я цепко держался за дело, не покладая рук,
Копил (так она велела), а пили другие вокруг.

Я в Лондоне встретил Мак-Кулло (пятьсот было в
кассе моей),

Основали сталелитейный – три кузницы, двадцать
людей.

Дешевый ремонт дешевки. Я платил, и дело росло,
Патент на станок приобрел я, и здесь мне опять
повезло,

Я сказал: «Нам выйдет дешевле, если сделает их
наш завод»,

Но Мак-Кулло на разговоры потратил почти что
год.

Пароходства как раз рождались – работа пошла
сама,

Коглы мы ставили прочно, машины были – дома!

Мак-Кулло хотел, чтоб в каютах были мрамор и
всякий там клен,

Брюссельский и утрехтский бархат, ванны и общий
салон,

Водопроводы в клозетах и слишком легкий каркас,
Но он умер в шестидесятых, а я – умираю сейчас...

Я знал – шла стройка «Байфлита», – я знал уже в
те времена

(Они возились с железом), я знал – только сталь
годна

И сталь себя оправдала. И мы спустили тогда,
За шиворот взяв торговлю, девятиузловые суда.
Мне задавали вопросы, по Писанью был мой ответ:
«Тако да воссияет перед людьми ваш свет».
В чем могли, они подражали, но им мыслей моих
не украсть —

Я их всех позади оставил потеть и списывать
всласть.

Пошли на броню контракты, здесь был Мак-Кулло
силен,

Он был мастер в литейном деле, но лучше, что
умер он.

Я прочел все его заметки, их понял бы новичок,
И я не дурак, чтоб не кончить там, где мне дан
толчок.

(Помню, вдова сердилась.) А я чертежи разобрал.
Шестьдесят процентов, не меньше, приносил мне
прокатный вал.

Шестьдесят процентов с браковкой, вдвое больше,
чем дало б литье,

Четверть мильона кредита – и все это будет твое.
Мне казалось – но это неважно, – что ты очень
походишь на мать,

Но тебе уже скоро сорок, и тебя я успел узнать.
Харроу и Тринити-колледж. А надо б отправить в
моря!

Я дал тебе воспитанье, и дал его, вижу, зря
Тому, что казалось мне нужным, ты вовсе не был
рад,

И то, что зовешь ты жизнью, я называю – разврат.
Гравюры, фарфор и книги – вот твоя колея,
В колледже квартирой шлюхи была квартира твоя.
Ты женился на этой костлявой, длинной, как
карандаш,

От нее ты набрался спеси; но скажи, где ребенок
ваш?

Катят по Кромвель-роуду кареты твои день и ночь,
Но докторский кеб не виден, чтоб хозяйке родить
помочь!

(Итак, ты мне не дал внука, Глостеров кончен род.)
А мать твоя в каждом рейсе носила под сердцем
плод

Но все умирали, бедняжки. Губил их морской
простор.

Только ты, ты один это вынес, хоть мало что вынес
с тех пор!

Лгун и лентяй и хилый, скаредный, как щенок,
Роющийся в объедках. Не помощник такой сынок!
Триста тысяч ему в наследство, кредит и с
процентов доход,

Я не дам тебе их в руки, все пущено в оборот.
Можешь не пачкать пальцев, а не будет у вас
детей,

Все вернется обратно в дело. Что будет с женой
твоей!

Она стонет, кусая платочек, в экипаже своем внизу:
«Папочка! умирает!» – и старается выжать слезу.
Благодарен? О да, благодарен. Но нельзя ли

подальше ее?

Твоя мать бы ее не любила, а у женщин бывает чутье.

Ты услышишь, что я женился во второй раз. Нет, это не то!

Бедной Эджи дай адвоката и выдели фунтов сто. Она была самой славной – ты скоро встретишься с ней!

Я с матерью все улажу, а ты успокой друзей.

Что мужчине нужна подруга, женщинам не понять, А тех, кто с этим согласны, не принято в жены брать.

О той хочу говорить я, кто леди Глостер еще, Я нынче в путь отправляюсь, чтоб повидать ее. Стой и звонка не трогай! Пять тысяч тебе заплачу Если будешь слушать спокойно и сделаешь то, что хочу,

Докажут, что я – сумасшедший, если ты не будешь тверд.

Кому я еще доверюсь? (Отчего не мужчина он, черт?)

Кое-кто тратит деньги на мрамор (Мак-Кулло мрамор любил)

Мрамор и мавзолеи – я зову их гордыней могил.

Для похорон мы чинили старые корабли, И тех, кто так завещали, безумцами не сочли У меня слишком много денег, люди скажут...

Но я был слеп, Надеюсь на будущих внуков, купил я в Уокинге склеп.

Довольно! Откуда пришел я, туда возвращаюсь
вновь,

Ты возьмешься за это дело, Дик, мой сын, моя
плоть и кровь!

Десять тысяч миль отсюда – с твоей матерью лечь
я хочу,

Чтоб меня не послали в Уокинг, вот за что я тебе
плачу.

Как это надо сделать, я думал уже не раз,
Спокойно, прилично и скромно – вот тебе мой
приказ.

Ты линию знаешь? Не знаешь? В контору письмо
пошли,

Что, смертью моей угнетенный, ты хочешь
поплавать вдали.

Ты выберешь «Мэри Глостер» – мной приказ давно
уже дан, —

Ее приведут в порядок, и ты выйдешь на ней в
океан.

Это чисгый убыток, конечно, пароход без дела
держать..

Я могу платить за причуды – на нем умерла твоя
мать

Близ островов Патерностер в тихой, синей воде
Спит она... я говорил уж... я отметил на карте – где
(На люке она лежала, волны маслены и густы),
Долготы сто восемнадцать и ровно три широты.
Три градуса точка в точку – цифра проста и ясна.
И Мак-Эндрю на случай смерти копия мною дана.

Он глава пароходства Маори, но отпуск дадут старине,

Если ты напишешь, что нужен он по личному делу мне.

Для них пароходы я строил, аккуратно выполнил все,

А Мака я знаю давненько, а Мак знал меня... и ее. Ему передал я деньги – удар был предвестник конца, —

К нему ты придешь за ними, предав глубине отца. Недаром ты сын моей плоти, а Мак – мой старейший друг,

Его я не звал на обеды, ему не до этих штук.

Говорят, за меня он молился, старый ирландский шакал!

Но он не солгал бы за деньги, подох бы, но не украл.

Пусть он «Мэри» нагрузит балластом – полюбуйшься, что за ход!

На ней сэр Антони Глостер в свадебный рейс пойдет.

В капитанской рубке, привязанный, иллюминатор открыт,

Под ним винтовая лопасть, голубой океан кипит.

Плывет сэр Антони Глостер – вымпела по ветру летят, —

Десять тысяч людей на службе, сорок судов прокат.

Он создал себя и миллионы, но это все суета,

И вот он идет к любимой, и совесть его чиста!
У самого Патерностера – ошибиться нельзя никак...

Пузыри не успеют лопнуть, как тебе заплатит Мак.
За рейс в шесть недель пять тысяч, по совести – куш хорош.

И, отца предав океану, ты к Маку за ним придешь.
Тебя высадит он в Макассаре, и ты возвратишься один,

Мак знает, чего хочу я... И над «Мэри» я – господин!
Твоя мать назвала б меня мотом – их еще тридцать шесть – ничего!

Я приеду в своем экипаже и оставлю у двери его;
Всю жизнь я не верил сыну – он искусство и книги любил,

Он жил за счет сэра Антони и сердце сэра разбил.
Ты даже мне не дал внука, тобою кончен наш род...
Единственный наш, о мать, единственный сын наш – вот!

Харроу и Тринити-колледж – а я сна не знал за барыш!

И он думает – я сумасшедший, а ты в Макассаре спишь!

Плоть моей плоти, родная, аминь во веки веков!
Первый удар был предвестник, и к тебе я идти был готов

Но – дешевый ремонт дешевки – сказали врачи:
баловство!

Мэри, что ж ты молчала? Я тебе не жалел ничего!

Да, вот женщины... Знаю... Но ты ведь бесплотна теперь!

Они были женщины только, а я – мужчина. Поверь! Мужчине нужна подруга, ты понять никак не могла, Я платил им всегда чистоганом, но не говорил про дела.

Я могу заплатить за прихоть! Что мне тысяч пять
За место у Патерностера, где я хочу почивать?
Я верую в Воскресенье и Писанье читал не раз,
Но Уокингу я не доверюсь: море надежней для нас.
Пусть сердце, полно сокровищ, идет с кораблем ко дну...

Довольно продажных женщин, я хочу обнимать одну!

Буду пить из родного колодца, целовать любимый рот,

Подруга юности рядом, а других пусть черт поберет!

Я лягу в вечной постели (Дикки сделает, не предаст!),

Чтобы был дифферент на нос, пусть Мак разместит балласт.

Вперед, погружаясь носом, котлы погасив, холодна...

В обшивку пустого трюма глухо плещет волна,
Журча, клопоча, качая, спокойна, темна и зла,
Врывается в люки... Все выше... Переборка сдала!
Слышишь? Все затопило, от носа и до кормы.
Ты не видывал смерти, Дикки? Учись, как уходим

мы!

ТОМПЛИНСОН

Перевод: А.Эппель

И стало так! – усоп Томплинсон в постели на Беркли-сквер,

И за волосы схватил его посланник надмирных сфер.

Схватил его за волосы Дух черт-те куда повлек, —
И Млечный Путь гудел по пути, как вздутый дождем поток.

И Млечный Путь отгудел вдали – умолкла звездная мать,

И вот у Врат очутились они, где сторожем Петр-ключарь.

«Предстань, предстань и нам, Томплинсон, четко и ясно ответь,

Какое добро успел совершить, пока не пришлось помереть;

Какое добро успел совершить в юдоли скорби и зла!»

И встала вмиг Томплинсона душа, что кость под дождем, бела.

«Оставлен мною друг на земле – наставник и духовник,

Сюда явись он, – сказал Томплинсон, – изложит все напрямик».

«Отметим: ближний тебя возлюбил, – но это мелкий пример!

Ведь ты же брат у Небесных Врат, а это не Беркли-сквер;

Хоть будет поднят с постели твой друг, хоть скажет он за тебя, —

У нас – не двое за одного, а каждый сам за себя». Горе и долу зрел Томплинсон и не узрел не черта —

Нагие звезды глумились над ним, а в нем была пустота.

А ветер, дующий меж миров, взвизгнул, как нож в ребре,

И стал отчет давать Томплинсон в содеянном им добре:

«Про это – я читал, – он сказал, – это – слышал стороной,

Про это думал, что думал другой о русской персоне одной».

Безгрешные души толклись позади, как голуби у летка,

А Петр-ключарь ключами бренчал, и злость брала старика.

«Думал, читал, слышал, – он сказал, – это все про других!

Во имя бывшей плоти своей реки о путях своих!»

Вспять и встречу взглянул Томплинсон и не узрел ни черта;

Был мрак сплошной за его спиной, а впереди –

Врата.

«Это я знал, это – считал, про это где-то слышал,
Что кто-то читал, что кто-то писал про шведа,
который пахал».

«Знал, считал, слышал, – ну и ну! – сразу лезть во
Врата!

К чему небесам внимать словесам – меж звезд и
так теснота!

За добродетели духовника, ближнего или родни
Не обретет господних щедрот пленник земной
суетни.

Отыди, отыди ко Князю Лжи, твой жребий не
завершен!

И... да будет вера твоей Беркли-сквер с тобой там,
Томплинсон!»

Волок его за волосы Дух, стремительно падая
вниз,

И возле Пекла поверглись они, Созвездья
Строптивности близ,

Где звезды красны от гордыни и зла, или белы от
невзгод,

Или черным черны от греха, какой и пламя неймет.

И длят они путь свой или не длят – на них
проклятье пустынь;

Их не одна не помянет душа – гори они или стынь.

А ветер, дующий меж миров, так выстудил душу
его,

Что адских племен искал Томплинсон, как очага
своего.

Но у решетки Адовых Врат, где гиблых душ не сочтешь,

Дьявол пресек Томплинсону прыть, мол не ломись – не пройдешь!

«Низко ж ты ценишь мой уголек, – сказал Поверженный Князь, —

Ежели в ад вознамерились влезть, меня о том не спросясь!

Я слишком с Адовой плотью в родстве, мной небрегать не резон,

Я с Богом скандалю из-за него со дня, как создан был он.

Садись, садись на изгарь и мне четко и ясно ответь,

Какое зло успел совершить, пока не пришлось помереть.»

И Томплинсон поглядел горе и увидел в Адской Дыре

Чрево красновато красной звезды, казнимой в жутком пылу.

«В былые дни на земле, – он сказал, – меня обольстила одна,

И, если ты ее призовешь, на все ответит она.»

«Учтем: не глуп по части прелюб, – но это мелкий пример!

Ведь ты же, брат, у адовых Врат, а это не Беркли-сквер;

Хоть свистнем с постели твою любовь – она не придет небось!

За грех, совершенный двоими вдвоем, каждый ответит поврозь!»

А ветер, дующий меж миров, как нож его потрошил,
И Томплинсон рассказывать стал о том, как в жизни грешил:

«Однажды! Я взял и смерть осмеял, дважды – любовный иску́с,

Трижды я Господа Бога хулил, чтоб знали, каков я не трус.»

Дьявол печеную душу извлек, поплевал и оставил стыть:

«Пустая тщета на блаженного шута топливо переводить!

Ни в пошлых шутках не вижу цены, ни в глупом фиглярстве твоём,

И не зачем мне джентльменов будить, спящих у топки втроем!»

Участия Томплинсон не нашел, встречу воззрившись и вспять.

От Адовых Врат ползла пустота опять в него и опять.

«Я же слышал, – сказал Томплинсон. – Про это ж была молва!

Я же в бельгийской книжке читал французского лорда слова!»

«Слышал, читал, узнавал, – ну и ну! – мастер ты бредни молоть!

Сам ты гордыне своей угождал? Тешил греховную плоть?»

И Томплинсон решетку затряс, вопя:

«Пусти меня в Ад! С женою ближнего своего я был
плотски был близковат!»

Дьявол слегка улыбнулся и сгреб угли на новый
фасон:

«И это ты вычитал, а, Томплинсон?» – «И это!» –
сказал Томплинсон.

Нечистый дунул на ногти, и вмиг отряд бесенят
возник,

И он им сказал: «К нам тут нахал мужеска пола
проник!

Просеять его меж звездных сит! Просеять
малейший порок!

Адамов род к упадку идет, коль вверил такому
порок!»

Эмпузина рать, не смея взирать в огонь из-за
голизны

И плачась, что грех им не дал утех, по младости,
мол не грешны! —

По углям помчалась за сирой душой, копясь в ней
без конца;

Так дети шарят в вороньем гнезде или в ларце
отца.

И вот, ключки назад протащив, как дети,
натешившись впрок,

Они доложили: «В нем нету Души, какую снабдил
его Бог!

Мы выбили бред брошюр и газет, и книг, и вздорный
сквозняк,

И уйму краденых душ, но его души не найдем никак!

Мы катали его, мы мотали его, мы пытали его огнем,

И, если как надо был сделан досмотр, душа не находится в нем!»

Нечистый голову свесил на грудь и басовито изрек: «Я слишком с Адамовой плотью в родстве, чтоб этого гнать за порог.

Здесь адская пасть, и ниже не пасть, но если б таких я пускал,

Мне б рассмеялся за это в лицо кичливый мой персонал;

Мол стало не пекло у нас, а бордель, мол, я не хозяин, а мот!

Ну, стану ль своих джентльменов я злить, ежили гость – идиот?»

И дьявол на душу в клочках поглядел, ползущую в самый пыл,

И вспомнил о Милосердье святом, хоть фирмы честь не забыл.

«И уголь получишь ты от меня, и сковородку найдешь,

Коль душекрадцем ты выдумал стать», – и сказал Томплинсон: «А кто ж?»

Враг Человеческий сплюнул слегка – забот его в сердце несть:

«У всякой блохи поболее грехи, но что-то, видать в тебе есть!

И я бы тебя бы за это впустил, будь я хозяин один,
Но свой закон Гордыне сменен, и я ей не господин.
Мне лучше не лезть, где Мудрость и Честь,
согласно проклятью сидят!

Тебя ж вдвоем замучат сейчас Блудница сия и
Прелат.

Не дух ты, не гном. Ты, не книга, не зверь, вещал
преисподней Князь, —

Я слишком с Адамовой плотью в родстве, шутить
мне с тобою не след.

Ступай хоть какой заработай грешок! Ты – человек
или нет!

Спеши! В катафалк вороных запрягли. Вот-вот они
с места возьмут.

Ты – скверне открыт, пока не закрыт. Чего же ты
мешкаешь тут?

Даны зеницы тебе и уста, изволь же их отверзать!
Неси мой глагол Человечьим Сынам, пока не
усопнешь опять:

За грех, совершенный двоими вдвоем, поврозь
подобьют итог!

И... Да поможет тебе, Томплинсон, твой книжный
заемный бог!»

ТОМЛИНСОН

Перевод А. Оношкович-Яцына

На Берклей-сквере Томлинсон скончался в два часа.

Явился Призрак и схватил его за волоса,
Схватил его за волоса, чтоб далеко нести,
И он услышал шум воды, шум Млечного Пути,
Шум Млечного Пути затих, рассеялся в ночи,
Они стояли у ворот, где Петр хранит ключи.
«Восстань, восстань же, Томлинсон, и говори скорей,
Какие добрые дела ты сделал для людей,
Творил ли добрые дела для ближних ты иль нет?»
И стала голая душа белее, чем скелет.

«О, – так сказал он, – у меня был друг любимый там,
И если б был он здесь сейчас, он отвечал бы вам».
«Что ты любил своих друзей – прекрасная черта,
Но только здесь не Берклей-сквер, а райские врата.
Хоть с ложа вызван твой друг сюда – не скажет он ничего.
Ведь каждый на гонках бежит за себя, а не двое за одного».

И Томлинсон взглянул вокруг, но выигрыш был
небольшой,
Смеялись звезды в высоте над голой его душой,
А буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про добрые дела.

«О, это читал я, – он сказал, – а это был голос
молвы,

А это я думал, что думал другой про графа из
Москвы».

Столпились стаи добрых душ, совсем как голубки,
И загремел ключами Петр от гнева и тоски.

«Ты читал, ты слыхал, ты думал, – он рек, – но
толку в сказе нет!

Во имя плоти, что ты имел, о делах твоих дай
ответ!»

И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул
назад —

Был сзади мрак, а впереди – створки небесных
врат.

«Я так ощущал, я так заключил, а это слышал
потом,

А так писали, что кто-то писал о грубом норвежце
одном».

«Ты читал, заключал, ощущал – добро! Но в
райской тишине,

Среди высоких, ясных звезд, не место болтовне.
О, не тому, кто у друзей взял речи напрокат

И в долг у ближних все дела, от бога ждать наград.
Ступай, ступай к владыке зла, ты мраку обречен,
Да будет вера Берклей-сквера с тобою,
Томлинсон!»

.....

Его от солнца к солнцу вниз та же рука несла
До пояса Печальных звезд, близ адского жерла.
Одни, как молоко, белы, другие красны, как кровь,
Иным от черного греха не загореться вновь.
Держат ли путь, изменяют ли путь – никто не
отметит никак,
Горящих во тьме и замерзших давно, поглотил их
великий мрак,
А буря мировых пространств леденила насквозь
его,
И он стремился на адский огонь, как на свет очага
своего.
Дьявол сидел среди толпы погибших темных сил,
И Томлинсона он поймал и дальше не пустил.
«Не знаешь, видно, ты, – он рек, – цены на уголь,
брат,
Что, пропуск у меня не взяв, ты лезешь прямо в ад.
С родом Адама я в близком родстве, не презирай
меня,

Я дрался с богом из-за него с первого же дня.
Садись, садись сюда на шлак и расскажи скорей,
Что злого, пока еще был жив, ты сделал для
людей».

И Томлинсон взглянул наверх и увидел в глубокой
мгле

Кроваво-красное чрево звезды, терзаемой в
адском жерле.

И Томлинсон взглянул к ногам, пылало внизу
светло

Терзаемой в адском жерле звезды молочное чело.
«Я любил одну женщину, – он сказал, – от нее
пошла вся беда,

Она бы вам рассказала все, если вызвать ее
сюда».

«Что ты вкушал запретный плод – прекрасная
черта,

Но только здесь не Берклей-сквер, но адские
врата.

Хоть мы и свистнули ее и она пришла, любя,
Но каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает
сам за себя».

И буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про скверные дела:
«Раз я смеялся над силой любви, дважды над
смертным концом,
Трижды давал я богу пинков, чтобы прослыть
храбрецом».

На кипящую душу дьявол подул и поставил остыть слегка:

«Неужели свой уголь потрачу я на безмозглого дурака?

Гроша не стоит шутка твоя, и нелепы твои дела!
Я не стану своих джентльменов будить, охраняющих вертела».

И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул назад,

Легион бездомных душ в тоске толпился близ адских врат.

«Эго я слышал, – сказал Томлинсон, – за границею прошлый год,

А это в бельгийской книге прочел покойный французский лорд».

«Ты читал, ты слышал, ты знал – добро! Но начни сначала рассказ —

Из гордыни очей, из желаний плотских согрешил ли ты хоть раз?»

За решетку схватился Томлинсон и завопил:

«Пусти! Мне кажется, я чужую жену сбил с праведного пути!»

Дьявол громко захохотал и жару в топки поддал:

«Ты в книге прочел этот грех?» – он спросил, и Томлинсон молвил:

«Да!» А дьявол на ногти себе подул, и явился взвод дьяволят:

«Пускай замолчит этот ноющий вор, что украл человеческий наряд

Просейте его между звезд, чтоб узнать, что стоит
этот урод,

Если он вправду отродье земли, то в упадке
Адамов род».

В аду малыши – совсем голыши, от жары им легко
пропасть,

Льют потоки слез, что малый рост не дает грешить
им всласть;

По угольям гнали душу они и рылись в ней без
конца —

Так дети шарят в вороньем гнезде или в шкатулке
отца.

В ключьях они привели его, как после игр и драк,
Крича: «Он душу потерял, не знаем где и как!

Мы просеяли много газет, и книг, и ураган речей,
И много душ, у которых он крал, но нет в нем души
своей.

Мы качали его, мы терзали его, мы прожгли его
насквозь,

И если зубы и ногти не врут, души у него не
нашлось».

Дьявол главу склонил на грудь и начал воркотню:
«С родом Адама я в близком родстве, я ли его
прогоню?

Мы близко, мы лежим глубоко, но когда он
останется тут,

Мои джентльмены, что так горды, совсем меня
засмеют.

Скажут, что я – хозяин плохой, что мой дом –

общежитье старух,

И, уж конечно, не стоит того какой-то никчемный дух».

И дьявол глядел, как отрешая души пытались в огонь пролезть,

О милосердьи думал он, но берег свое имя и честь:
«Я, пожалуй, могу не жалеть углей и жарить тебя всегда,

Если сам до кражи додумался ты?» и Томлинсон молвил —

«Да!» И дьявол тогда облегченно вздохнул, и мысль его стала светла:

«Душа блохи у него, — он сказал, — но я вижу в ней корни зла.

Будь я один здесь властелин, я бы впустил его,
Но Гордыни закон изнутри силен, и он сильней моего.

Где сидят проклятые Разум и Честь — при каждом Блудница и Жрец,

Бываю там я редко сам, тебе же там конец.

Ты не дух, — он сказал, — и ты не гном, ты не книга, и ты не зверь.

Не позорь же доброй славы людей, воплотись еще раз теперь.

С родом Адама я в близком родстве, не стал бы тебя я гнать,

Но припаси получше грехов, когда придешь опять.
Ступай отсюда! Черный конь заждался твоей души.

Сегодня они закопают твой гроб. Не опоздай!
Спеши!

Живи на земле и уст не смыкай, не закрывай очей
И отнеси Сынам Земли мудрость моих речей.

Что каждый грех, совершенный двумя, и тому, и
другому вменен,

И... бог, что ты вычитал из книг, да будет с тобой,
Томлинсон!»

БАЛЛАДА О ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

Перевод Е. Полонской

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест
они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный
господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина,
род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края
земли встает?

Камал бежал с двадцатью людьми на границу
мятежных племен,
И кобылу полковника, гордость его, угнал у
полковника он.
Из самой конюшни ее он угнал на исходе ночных
часов,
Шипы на подковах у ней повернул, вскочил и был
таков.
Но вышел и молвил полковничий сын, что
разведчиков водит отряд:
«Неужели никто из моих молодцов не укажет, где
конокрад?»
И Мохаммед Хан, рисальдара сын, вышел вперед
и сказал:

«Кто знает ночного тумана путь, знает его привал.
Проскачет он в сумерки Абазай, в Бонаире он
встретит рассвет

И должен проехать близ форта Букло, другого пути
ему нет.

И если помчишься ты в форт Букло летящей птицы
быстрее,

То с помощью божьей нагонишь его до входа в
ущелье Джагей.

Но если он минул ущелье Джагей, скорей поверни
назад:

Опасна там каждая пядь земли, там Камала люди
кишат.

Там справа скала и слева скала, терновник и груды
песка...

Услышишь, как щелкнет затвор ружья, но нигде не
увидишь стрелка»,

И взял полковничий сын коня, вороного коня
своего:

Словно колокол рот, ад в груди его бьет, крепче
виселиц шея его.

Полковничий сын примчался в форт, там зовут его
на обед,

Но кто вора с границы задумал догнать, тому
отдыхать не след.

Скорей на коня и от форта прочь, летящей птицы
быстрее,

Пока не завидел кобылы отца у входа в ущелье
Джагей,

Пока не завидел кобылы отца, и Камал на ней скакал...

И чуть различил ее глаз белок, он взвел курок и нажал.

Он выстрелил раз, и выстрелил два, и свистнула пуля в кусты...

«По-солдатски стреляешь, – Камал сказал, – покажи, как едешь ты».

Из конца в конец по ущелью Джагей стая демонов пыли взвилась,

Вороной летел как юный олень, но кобыла как серна неслась.

Вороной закусил зубами мундштук, вороной дышал тяжелей,

Но кобыла играла легкой уздой, как красotka перчаткой своей.

Вот справа скала и слева скала, терновник и груды песка...

И трижды щелкнул затвор ружья, но нигде он не видел стрелка.

Юный месяц они прогнали с небес, зорю выстукал стук копыт,

Вороной несется как раненый бык, а кобыла как лань летит.

Вороной споткнулся о груды камней и скатился в горный поток,

А Камал кобылу сдержал свою и наезднику встать помог.

И он вышиб из рук у него пистолет: здесь не место

было борьбе.

«Слишком долго,-он крикнул,-ты ехал за мной,
слишком милостив был я к тебе.

Здесь на двадцать миль не сыскать скалы, ты
здесь пня бы найти не сумел,

Где, припав на колено, тебя бы не ждал стрелок с
ружьем на прицел.

Если б руку с поводьями поднял я, если б я опустил
ее вдруг,

Быстроногих шакалов сегодня в ночь пировал бы
веселый круг.

Если б голову я захотел поднять и ее наклонил
чуть-чуть,

Этот коршун несытый наелся бы так, что не мог бы
крылом взмахнуть».

Легко ответил полковничий сын: «Добро кормить
зверей,

Но ты рассчитай, что стоит обед, прежде чем звать
гостей.

И если тысяча сабель придут, чтоб взять мои кости
назад.

Пожалуй, цены за шакалий обед не сможет
платить конокрад;

Их кони вытопчут хлеб на корню, зерно солдатам
пойдет,

Сначала вспыхнет соломенный кров, а после
вырежут скот.

Что ж, если тебе нипочем цена, а братьям на
жратву спрос —

Шакал и собака отродье одно, – зови же шакалов,
пес.

Но если цена для тебя высока – людьми, и зерном,
и скотом, —

Верни мне сперва кобылу отца, дорогу мы сыщем
потом».

Камал вцепился в него рукой и посмотрел в упор.
«Ни слова о псах, – промолвил он, – здесь волка
с волком спор.

Пусть будет тогда мне падаль еда, коль причину
тебе вред,

И самую смерть перешутишь ты, тебе преграды
нет».

Легко ответил полковничий сын: «Честь рода я
храню.

Отец мой дарит кобылу тебе – ездок под стать
коню».

Кобыла уткнулась хозяину в грудь и тихо ласкалась
к нему.

«Нас двое могучих, – Камал сказал, – но она верна
одному...

Так пусть конокрада уносит дар, поводья мои с
бирюзой,

И стремя мое в серебре, и седло, и чапрак
узорчатый мой».

Полковничий сын схватил пистолет и Камалу
подал вдруг:

«Ты отнял один у врага, – он сказал, – вот этот дает
тебе друг».

Камал ответил: «Дар за дар и кровь за кровь
возьму,
Отец твой сына за мной послал, я сына отдам
ему».

И свистом сыну он подадут знак, и вот, как олень со
скал,
Сбежал его сын на вереск долин и, стройный,
рядом встал.

«Вот твой хозяин, – Камал сказал, – он
разведчиков водит отряд,
По правую руку его ты встань и будь ему щит и
брат.

Покуда я или смерть твоя не снимем этих уз,
В дому и в бою, как жизнь свою, храни ты с ним
союз.

И хлеб королевы ты будешь есть, и помнись, кто
ей враг,
И для спокойствия страны ты мой разоришь очаг.
И верным солдатом будешь ты, найдешь дорогу
свою,
И, может быть, чин дадут тебе, а мне дадут петлю».

Друг другу в глаза поглядели они, и был им
неведом страх,
И братскую клятву они принесли на соли и кислых
хлебах,
И братскую клятву они принесли, сделав в дерне
широкий надрез,
На клинке, и на черенке ножа, и на имени Бога
чудес.

И Камалов мальчик вскочил на коня, взял кобылу
полковничий сын,

И двое вернулись в форт Букло, откуда приехал
один.

Но чуть подскакали к казармам они, двадцать
сабель блеснуло в упор,

И каждый был рад обагрить клинок кровью жителя
гор...

«Назад, – закричал полковничий сын, – назад и
оружие прочь!

Я прошлую ночью за вором гнался, я друга привел
в эту ночь».

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест
они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный
господень суд.

Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина,
род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края
земли встает?

БАЛЛАДА О «БОЛИВАРЕ»

Перевод А. Долинина

Снова мы вернулись в порт – семь морских волков.
Пей, гуляй, на Рэдклиф-стрит хватит кабаков.
Краток срок на берегу – девки, не зевай!
Протащили «Боливар» мы через Бискай!

Погрузились в Сандерленде, фрахт – стальные балки,
Только вышли – и назад: скачет груз козлом.
Починились в Сандерленде и поплыли валко:
Холодрыга, злые ветры, бури – как назло.

Корпус, гад, трещал по швам, сплевывал заклепки,
Уголь свален на корме, грузы – возле топки,
Днище будто решето, трубы – пропадай.
Вывели мы «Боливар», вывели в Бискай!

Маяки нам подмигнули: «Проходи, ребята!»
Маловат угля запас, кубрик тоже мал.
Вдруг удар – и переборка вся в гармошку смята,
Дали крен на левый борт, но ушли от скал.

Мы плелись подбитой уткой, напрягая душу,
Лязг как в кузнице и стук – заложило уши,

Трюмы залиты водой – хоть ведром черпай.
Так потрюхал «Боливар» в путь через Бискай!

Нас трепало, нас швыряло, нас бросало море,
Пьяной вцепится рукой, воеет и трясет.
Сколько жить осталось нам, драли глотки в споре,
Уповая, что господь поршень подтолкнет.

Душит угольная пыль, в кровь разбиты рожи,
На сердце тоска и муть, ноги обморожены.
Проклинали целый свет – дьявол, забирай!
Мы послали «Боливар» к черту и в Бискай!

Нас вздымало к небесам, мучило и гнуло,
Вверх, и вниз, и снова вверх – ну не продохнуть,
А хозяйская страховка нас ко дну тянула,
Звезды в пляске смерти освещали путь.

Не присесть и не прилечь – ничего болтанка!
Волны рвут обшивку в хлам – ржавая, поганка!
Бешеным котом компас скачет, разбирай,
Где тут север, где тут юг, – так мы шли в Бискай!

Раз взлетели на волну, сверху замечаем.
Мчит плавучий гранд-отель, весь в огнях кают
«Эй, на лайнере! – кричим. – Мы тут загораем,
Вам, салаги, бы сюда хоть на пять минут!»

Тут проветрило мозги нам порывом шквала

«Ну-ка, парни, навались, румпель оторвало!»
Старый шкипер заорал: «Ворот закрепляй!»
Без руля, на тросах, мы прошли Бискай!

Связка сгнивших планок, залитых смолой,
Приплелась в Бильбао, каждый чуть живой.
Хоть не полагалось нам достичь земли,
Мы надули Божий Шторм, Море провели.

Снова мы вернулись в порт, семь лихих ребят
Миновали сто смертей, нам сам черт не брат
Что ж, хозяин, ты не рад, старый скупердяй,
Оттого что «Боливар» обманул Бискай?

ГРЕБЕЦ ГАЛЕРЫ

Перевод Е. Дунаевской

Хороша была галера: румпель был у нас резной,
И серебряным тритоном нос украшен был
стальной.

Кандалы нам терли ноги, воздух мы хватали ртом,
Полным ходом шла галера. Шли акулы за бортом.

Белый хлопок мы возили, слитки золота и шерсгь,
Сколько ниггеров отменных мы распродали – не
счесть.

Нет, галеры лучше нашей не бывало на морях,
И вперед галеру гнали наши руки в волдырях.

Как скотину, изнуряли нас трудом.

Но в час гульбы Брали мы в любви и в драке все,
что можно, у Судьбы

И блаженство вырывали под предсмертный хрип
других

С той же силой, что ломали мы хребты валов
морских.

Труд губил и женщин наших, и детей, и стариков.
За борт мы бросали мертвых, их избавив от оков.
Мы акулам их бросали, мы до одури гребли

И скорбеть не успевали, лишь завидовать могли.

Но – собратья мне порукой – в мире не было людей
Крепче, чем рабы галеры и властители морей.

Если с курса не сбивались мы при яростных волнах

—

Человек ли, бог ли, дьявол, – что могло внушить
нам страх?

Шторм? Ну что ж, на предков наших тоже шли валы
стеной,

Но галера одолела самый страшный шторм
земной.

Скорбь? Недуги? Смерть?.. Оставьте! Да почли бы
за позор

Даже дети на галере отвечать на этот вздор.

Но сегодня – все. С галерой счета кончены мои.

Имя от меня осталось – там, на бимсе, у скамьи.

Ну а мне – свобода видеть, как с соленой синевой
Бьются люди, что свободны, кроме весел, от всего.

Но глаза мои слезятся: непривычен яркий свет

Лишь клеймо я заработал и оков глубокий след,

От плетей рубцы и язвы, что вовек не заживут.

Но готов за ту же плату я продолжить тот же труд.

И пускай твердят все громче, что недобрый час
настал,

Что накрыть галеру должен с Севера идущий вал.
Если бунт поднимут негры, кровью палубы залив,
Дрогнет кормчий, и галера врежется в прибрежный
риф,

Не спускайте флаг на мачте, не расходуйте ракет:
С моря к ней придут на помощь все гребцы
минувших лет
И себя привяжут люди, чья награда – цепь и кнут,
К оскопившей их скамейке и с веслом в руках
умрут.

Войско сильных и увечных, ссыльных, нанятых,
рабов —
Все дворцы, лачуги, тюрьмы выставят своих
бойцов
В день, когда дымится небо, палуба в огне дрожит
И у тех, кто тушит пламя, стиснуты в зубах ножи.

Я молю, чтоб в эту пору быть в живых мне повезло:
Пусть дерется тот, кто молод, я приму его весло.
И горжусь я, оставляя труд и муку за спиной,
Что мужчины разделяли эту каторгу со мной.

ИЗГОИ

Перевод В. Топорова

За темные делишки,
За то, о чем молчок,
За хитрые мыслишки,
Что нам пошли не впрок,
Мишенью нас избрали
Параграфы статей —
И поманили дали
Свободу своей.

Нет, нас не провожали,
Не плакали вослед;
Мы смылись, мы бежали —
Мы заметали след
От наших злодеяний,
А проще – наших бед
За нами – каталажка,
Пред нами – целый свет

Ограбленные вдовы
И сироты купцов
За нами бестолково
По свету шлют гонцов;
Мы рыщем в океане,

Они – на берегу.
И это христиане,
Простившие врагу!

Но в досталь, слава богу,
На свете славных мест,
Куда забыл дорогу
Наш ордер на арест;
Но есть архипелаги,
Где люди на расхват,
А мертвые бумаги
Туда не допылят.

Там полдень – час покоя,
Там ласков океан,
Дворцовые покои,
И в них журчит фонтан
Никто здесь не посмеет
Прервать полдневный сон,
Покуда не повеет
Прохладой из окон.

Природа – загляденье,
Погода – первый сорт,
И райских птичек пенье,
И океанский порт.
И праздник, оттого что
Раз в месяц круглый год
Привозит нашу почту

Британский пароход.

Мы поджидаем в баре
Прибывших бедолаг —
Не чопорные баре,
Но парни самый смак.
Мы важно тянем виски
И с ромом, и с самим,
Но на борт – он английский!
К ним в гости не спешим.

А ночью незаконно
Мы в Англии своей —
С князьями Альбиона
Знакомим дочерей,
И приглашают лорды
На танец наших жен,
Мы сами смотрим гордо,
Покуда... смотрим сон.

О боже! Хоть понюшку
Нам Англии отсыпь —
Ту грязную речушку,
Ту лондонскую хлипь,
Задворки, закоулки
И ключья тощих нив...
А как там Лорд – Уорден?
А как там наш Пролив?

ЗА ЦЫГАНСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Перевод Г. Кружкова

Мохнатый шмель – на душистый хмель,
Мотылек – на вьюнок луговой,
А цыган идет, куда воля ведет,
За своей цыганской звездой!

А цыган идет, куда воля ведет,
Куда очи его глядят,
За звездой вослед он пройдет весь свет —
И к подруге придет назад.

От палаток таборных позади
К неизвестности впереди
(Восход нас ждет на краю земли) —
Уходи, цыган, уходи!

Полосатый змей – в расщелину скал,
Жеребец – на простор степей.
А цыганская дочь – за любимым в ночь,
По закону крови своей.

Дикий вепрь – в глушь торфяных болот,
Цапля серая – в камыши.
А цыганская дочь – за любимым в ночь,

По родству бродяжьей души.

И вдвоем по тропе, навстречу судьбе,
Не гадая, в ад или в рай.

Так и надо идти, не страшась пути,
Хоть на край земли, хоть за край!

Так вперед! – за цыганской звездой кочевой —
К синим айсбергам стылых морей,
Где искрятся суда от намерзшего льда
Под сияньем полярных огней.

Так вперед – за цыганской звездой кочевой
До ревущих южных широт,
Где свирепая буря, как Божья метла,
Океанскую пыль метет.

Так вперед – за цыганской звездой кочевой —
На закат, где дрожат паруса,
И глаза глядят с бесприютной тоской
В багровеющие небеса.

Так вперед – за цыганской звездой кочевой —
На свиданье с зарей, на восток,
Где, тиха и нежна, розовеет волна,
На рассветный вползая песок.

Дикий сокол взмывает за облака,
В дебри леса уходит лось.

А мужчина должен подругу искать —
Исстари так повелось.

Мужчина должен подругу найти —
Летите, стрелы дорог!
Восход нас ждет на краю земли,
И земля – вся у наших ног!

САМАЯ СТАРАЯ ПЕСНЯ

*Потому что прежде Евы была Лилит.
Предание*

Перевод М. Фромана

«Этих глаз не любил ты и лжешь,
Что любишь теперь и что снова
Ты в разлете бровей узнаешь
Все восторги и муки бывшего!

Ты и голоса не любил,
Что ж пугают тебя эти звуки?
Разве ты до конца не убил
Чар его в роковой разлуке?

Не любил ты и этих волос,
Хоть сердце твое забывало
Стыд и долг и в бессилье рвалось
Из-под черного их покрывала!»

«Знаю все! Потому-то мое
Сердце бьется так глухо и странно!»
«Но зачем же притворство твое?»
«Счастлив я – ноет старая рана».

ПЕСНЬ МЕРТВЫХ

Перевод Н. Голя

Разносится песнь мертвых – над Севером, где
впотьмах
Все смотрят в сторону Полюса те, кто канул во
льдах.

Разносится песнь мертвых – над Югом, где взвыл
сухостей,
Где динго скулит, обнюхивая скелеты людей и
коней.

Разносится песнь мертвых – над Востоком, где
среди лиан
Громко буйвол шкает из лужи и в джунглях вопит
павиан.

Разносится песнь мертвых – над Западом, в
лживых снегах,
Где стали останки на каждой стоянке добычей
росомах, —

Ныне слушайте песнь мертвых!

Мы так жадно мечтали! Из городов, задыхающихся
от людей,

Нас, изжаждавшихся, звал горизонт, обещая сотни
путей.

Мы видели их, мы слышали их, пути на краю земли,
И вела нас Сила превыше земных, и иначе мы не
могли.

Как олень убегает от стада прочь, не разбирая
пути,

Уходили мы, веря, как дети, в то, что сумеем дойти.
Убывала еда, убегала вода, но жизнь убывала
быстреей,

Мы ложились, и нас баюкала смерть, как баюкает
ночь детей.

Здесь мы лежим: в барханах, в степях, в болотах
среди гнилья,

Чтоб дорогу нашли по костям сыновья, как по
вехам, шли сыновья!

По костям, как по вехам! Поля Земли удобрили мы
для вас,

И взойдет посев, и настанет час – и настанет
цветенья час!

По костям! Мы заждались у наших могил, у
потерянных нами дорог

Властной поступи ваших хозяйских ног, грома
тысяч сыновьих сапог.

По костям, как по вехам! Засеяли мир мы костями
из края в край —

Так кому же еще, как не вам, сыновья,
смертоносный снять урожай?

...И Дрейк добрался до мыса Горн,
И Англия стала империей.

Тогда наш оплот воздвигся из вод,
Неведомых вод, невиданных волн.
(И Англия стала империей!)

Наш вольный приют даст братьям приют
И днем, и глубокой ночью.

Рискуй, голытьба, – на карте судьба,
Не встретились там, так встретимся тут.
(Днем или поздней ночью!)

Да будет так! Мы залогом тому,
Что было сказано здесь.

Покинув свой дом, мы лучший найдем,
Дорога зовет, и грусть ни к чему.
(И этим сказано все!)

II

Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солона
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками – и все не сыт.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, счет покрыт!

Поднимает здесь любой прилив
Доски умерших кораблей,
Оставляет здесь любой отлив
Мертвецов на сырой земле —
Выплывают они на прибрежный песок
Из глухих пропастей дна.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, жизнью платить за власть! —
Мы заплатили сполна!

Нам кормить наше море тысячи лет
И в грядущем, как в старину.
Нам, давным-давно пошедшим на дно,
Или вам, идущим ко дну, —
Всем лежать среди снастей своих кораблей,

Средь останков своих бригантин.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, жизнью платить за власть,
Господи, собственной жизнью за власть! —
Каждый из нас властелин!

ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ

Перевод Н. Голя

Мы пили за королеву,
За отчий священный дом,
За наших английских братьев
(Друг друга мы не пойдем).
Мы пили за мирозданье
(Звезды утром зайдут),
Так выпьем – по праву и долгу!
За тех, кто родился тут!

Над нами чужие светила,
Но в сердце свои бережем,
Мы называем домом Англию, где не живем.
Про жаворонков английских
Мы слышали от матерей,
Но пели нам пестрые лори
В просторе пыльных полей.

Отцы несли на чужбину
Веру свою, свой труд;
Им подчинялись – но дети
По праву рожденья тут!
Тут, где палатки стояли,
Ветер качал колыбель.

Вручим любовь и надежду
Единственной из земель!

Осушим наши стаканы
За острова вдали,
За четыре новых народа,
Землю и край земли,
За последнюю пядь суши
(Как устоять на ней?),
За нашу честь и доблесть,
За доблесть и честь друзей!

За тишь неподвижного утра
И крыши наших домов,
За марево выжженных пастбищ
И некованных скакунов,
За воду (спаси от жажды!),
За воду (не поглоти!),
За сынов Золотого Юга,
За тысячи миль пути.

За сынов Золотого Юга (встать!),
За цену прожитых лет!
Если что-то ты бережешь, ты и поешь о том,
Если чем-то ты дорожишь, ты и стоишь на том
Удар – на удар в ответ!

За стадо на пышных склонах
И за стада облаков,

За хлеб на гумне соседа
И звук паровозных гудков,
За привычный вкус мяса,
За свежесть весенних дней,
За женщин наших, вскормивших
По девять и десять детей!

За детей, за девять и десять (встать!),
За цену прожитых лет!
Если что-то мы бережем, мы и поем о том,
Если чем-то мы дорожим, мы и стоим на том:
Два удара – на каждый в ответ!

За рифы, и водовороты,
И дым грузовых кораблей,
За солнце (но не замучай!),
За ливень (но не залей!),

За борозды в милю длиною,
За зиму в полгода длиной,
За важных озерных чаек,
За влажный ветер морской,
За пастбище молний и грома,
За его голубую высь,
За добрые наши надежды
И Доброй Надежды мыс,
За безбрежные волны прерий,
За безбрежные прерии вод,
За империю всех империй,

За карту, что вширь растет.

За наших кормилиц-язычниц,
За язык младенческих дней
(Их речь была нашей речью,
Пока мы не знали своей)
За прохладу открытой веранды,
За искры в морских волнах,
За пальмы при лунном свете,
За светляков в камышах,
За очаг Народа Народов,
За вспаханный океан,
За грозный алтарь Аббатства,
Связующий англичан,
За круговорот столетий,
За почин наш и наш успех,
За щедрую помощь слабым,
Дарящую силой всех!

Мы пили за королеву,
За отчий священный дом,
За братьев, живущих дома
(Бог даст, друг друга пойдем).
До света – тосты и тосты
(Но звезды вот-вот зайдут),
Последний – и ноги на стол! —
За тех, кто родился тут!
Нас шестеро белых (встать!),
Над нами встает рассвет.

Если что-то мы бережем, мы и поем о том,
Если чем-то мы дорожим, мы и стоим на том
Шесть ударов – на каждый в ответ!

Мы протянем трос от Оркнея до мыса Горн (взять!)

—

Во веки веков и днесь

Это наша земля (и завяжем узел тугой),

Это наша земля (и захватим ее петлей),

Мы – те, кто родился здесь!

КОРОЛЕВА

Перевод А. Оношкович-Яцына

«Романтика, прощай навек!
С резною костью ты ушла, —
Сказал пещерный человек, —
И бьет теперь кремнем стрела.
Бог плясок больше не в чести.
Увы, романтика! Прости!»

«Ушла! – вздыхал народ озер. —
Теперь мы жизнь влачим с трудом,
Она живет в пещерах гор,
Ей незнаком наш свайный дом,
Холмы, вы сон ее блюсти Должны.
Романтика, прости!»

И мрачно говорил солдат:
«Кто нынче битвы господин?
За нас сражается снаряд
Плюющих дымом кулеврин.
Удар никак не нанести!
Где честь? Романтика, прости!»

И говорил купец, брезглив:
«Я обошел моря кругом —

Все возвращается прилив,
И каждый ветер мне знаком.
Я знаю все, что ждет в пути
Мой бриг. Романтика, прости!»

И возмущался капитан:
«С углем исчезла красота;
Когда идем мы в океан,
Рассчитан каждый взмах винта.
Мы, как паром, из края в край
Идем. Романтика, прощай!»

И злился дачник, возмущен:
«Мы ловим поезд, чуть дыша.
Бывало, ездил почтальон,
Опаздывая, не спеша.
О, черт!» Романтика меж тем
Водила поезд девять-семь.

Послушен под рукой рычаг,
И смазаны золотники,
И будят насыпь и овраг
Ее тревожные свистки;
Вдоль доков, мельниц, рудника
Ведет умелая рука.

Так сеть свою она плела,
Где сердце – кровь и сердце – чад,
Каким-то чудом заперта

В мир, обернувшийся назад.

И пел певец ее двора:

«Ее мы видели вчера!»

Когда уже ни капли краски...

Перевод В. Топорова

Когда уже ни капли краски Земля не выжмет на холсты,
Когда цвета веков поблекнут и наших дней сойдут цветы,
Мы – без особых сожалений – пропустим Вечность или две,
Пока умелых Подмастерьев не кликнет Мастер к синеве.

И будут счастливы умельцы, рассевшись в креслах золотых,
Писать кометами портреты – в десяток лиг длиной – святых,
В натурщики Петра, и Павла, и Магдалину призовут,
И просидят не меньше эры, пока не кончат славный труд!

И только Мастер их похвалит, и только Мастер попрекнет —
Работников не ради славы, не ради денежных щедрот,
Но ради радости работы, но ради радости

раскрыть,

Какой ты видишь эту Землю, – Ему, велевшему ей
– быть!

ЕВАРРА И ЕГО БОГИ

Перевод А. Оношкович-Яцына

Читай:

Вот повесть о Еварре-человеке,
Творце богов в стране за океаном.

Затем, что город нес ему металл
И бирюзу возили караваны,
Затем, что жизнь его лелеял Царь,
Так что никто не смел его обидеть
И с болтовней на улице нарушить
Его покой в час отдыха, он сделал
Из жемчуга и злата образ бога
С глазами человека и в венце,
Чудесный в свете дня, повсюду славный,
Царем боготворимый; но, гордясь,
Затем, что кланялись ему, как богу,
Он написал: «Так делают богов,
Кто сделает иначе, тот умрет».
И город чтит его... Потом он умер.

Читай повествование о Еварре,
Творце богов в стране за океаном.

Затем, что город не имел богатств,

Затем, что расхищались караваны,
Затем, что смертью Царь ему грозил,
Так что на улице над ним глумились,
Он из живой скалы в слезах и в поте
Лицом к восходу высек образ бога.
Ужасный в свете дня, повсюду видный,
Царем боготворимый; но, гордясь,
Затем, что город звал его назад,
Он вырезал – «Так делают богов,
Кто сделает иначе, тот умрет».
И чтит его народ... Потом он умер.

Читай повествование о Еварре,
Творце богов в стране за океаном.

Затем, что был простым его народ,
И что село лежало между гор,
И мазал он овечьей кровью щеки,
Он вырезал кумира из сосны,
Намазал кровью щеки, вместо глаз
Вбил раковину в лоб, свил волоса
Из мха и сплел корону из соломы.
Его село хвалило за искусство,
Ему несли мед, молоко и масло,
И он, от криков пьяный, нацарапал
На том бревне: «Так делают богов,
Кто сделает иначе, тот умрет».
И чтит его народ... Потом он умер.

Читай повествование о Еварре,
Творце богов в стране за океаном.

Затем, что волей бога капля крови
На волос уклонилась от пути
И горячила мозг его, Еварра,
Изодранный, бродил среди скота,
Шутя с деревьями, считая пальцы,
Дразня туман, пока не вызвал бог
Его на труд. Из грязи и рогов
Он вылепил чудовищного бога,
Комок нечистый в паклевой короне,
И, слушая мычание скота,
Он бредил кликами больших народов
И сам рычал. «Так делают богов,
Кто сделает иначе, тот умрет».
И скот кругом мычал... Потом он умер.

И вот попал он в Рай и там нашел
Своих богов и то, что написал,
И, стоя близко к богу, он дивился,
Кто смел назвать свой труд законом бога,
Но бог сказал, смеясь. «Они – твои».
Еварра крикнул: «Согрешил я!» —
«Нет! Когда б ты написал иначе, боги
Покоились бы в камне и руде,
И я не знал бы четырех богов
И твоего чудесного закона,
Раб шумных сборищ и мычащих стад».

Тогда, смеясь и слезы отирая,
Еварра выбросил богов из Рая

Вот повесть о Еварре-человеке,
Творце богов в стране за океаном.

ДВОРЕЦ

Перевод А. Оношкович-Яцына

Каменщик был и Король я – и, знание свое ценя,
Как Мастер, решил построить Дворец, достойный
меня.

Когда разрыли поверхность, то под землей нашли
Дворец, как умеют строить только одни Короли.

Он был безобразно сделан, не стоил план ничего,
Туда и сюда, бесцельно, разбежался фундамент
его.

Кладка была неумелой, но на каждом я камне
читал:

«Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему – я
знал».

Ловкий, в моих проходах, в подземных траншеях
моих

Я валил косяки и камни и заново ставил их.

Я пускал его мрамор в дело, известью крыл
Дворец,

Принимая и отвергая то, что оставил мертвец.

Не презирал я, не славил; но, разобрав до конца,
Прочел в низвергнутом зданье сердце его творца.

Словно он сам рассказал мне, стал мне понятным
таким

Облик его сновиденья в плане, задуманном им.

Каменщик был и Король я – в полдень гордыни
моей

Они принесли мне Слово, Слово из Мира теней.

Шепнули: «Кончать не должно! Ты выполнил меру
работ,

Как и тот, твой дворец – добыча того, кто потом
придет».

Я отозвал рабочих от кранов, от верфей, из ям

И все, что я сделал, бросил на веру неверным
годам.

Но надпись носили камни, и дерево, и металл:

«Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему – я
знал.»

ПЛОТИНЫ

Перевод Э. Горлина

Не любим рыбную ловлю мы, взмахнуть не умея
веслом.

Все то, чему нас учили отцы, называем мы
пустяком,

И в том, во что сердце верить велит, сомневаемся
мы всегда.

Мы не верим в хлеб, который едим, нам радость
работы чужда.

Смотрите, наши берега и вдаль, и вширь лежат.

Их осушили наши отцы и плотин поставили ряд.

Они оттеснили море назад. То был непомерный
труд.

Мы родились, чтоб жить под защитой плотин, но
плотины нас не спасут.

А вдали прилив на плотины ползет, все пробуя
пенным ртом.

У шлюзных ворот обгрызая края, он стены обходит
кругом,

Волны швыряет, и снова швыряет, жует морской
песок...

Мы слишком от берега далеки, чтоб знать, как

прилив жесток.

Мы приходим порой, заботой полны, у широких стен шагать.

Все это – плотины наших отцов, и в камне щелей не видать.

Не раз и не два налетали ветра, но мы не боимся ветров —

Мы ходим только смотреть на плотины, плотины наших отцов.

Над соленым болотом, где наши дома под ветром холодным дрожат,

Измученный, жалкий и тусклый блеск струит, умирая, закат.

Будто красный уголь мелькнул в золе, будто искра скользнула там...

Мы отданы морю и ночи во власть и пощады не будет нам!

У моста на болоте стоит загон, и стада беснуются в нем,

Оглушенные шумом бегущих ног, ослепленные фонарем.

Скорее срывайте замки с ворот, выпускайте на волю стада!

Низины тонут на наших глазах, отовсюду хлещет вода.

Поднимаются волны над верхом плотин, огромны
в густеющей мгле.

И пена, летящая с губ морских, крутится по земле.
Морские кони копытом бьют, грозят белизной
зубов,
Ломая кустарник, глотая песок, сметая труды
отцов!

Хворост велите людям собрать, варить на кострах
смолу.

Огонь, а не дым, будет нужен нам, коль рухнут
плотины во мглу.

С колоколен велите людям следить (как знать, что
покажет заря?) —

Гремящий колокол наверху и веревка в руках
звонаря.

Теперь со стыдом в душе мы ждем среди
бурлящей тьмы.

Вот это — плотины наших отцов, но о них не
заботились мы.

Нам не раз и не два говорили о том, мы в ответ
лишь махали рукой.

И погублены жизни наших детей, и нарушен отцов
покой.

Мы ходим по краю разбитых плотин, а море шумит
вдали.

Для нашего блага, для выгоды нашей их наши отцы

возвели,

Но выгоды нет и спокойствия нет, беззаботность
пройдет, как дым.

И самый город, где жили мы, покажется нам чужим.

БРЕМЯ БЕЛЫХ

Перевод В. Топорова

Твой жребий – Бремя Белых!
Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли;

На каторжную работу —
Нету ее лютей, —
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей.

Твой жребий – Бремя Белых!
Терпеливо сноси
Угрозы и оскорбленья
И почестей не проси;
Будь терпелив и честен,
Не ленись по сто раз —
Чтоб разобрался каждый —
Свой повторять приказ.

Твой жребий – Бремя Белых!
Мир тяжелей войны:
Накорми голодных,
Мор выгони из страны;

Но, даже добившись цели,
Будь начеку всегда:
Изменит иль одурачит
Языческая орда.

Твой жребий – Бремя Белых!
Но это не трон, а труд:
Промасленная одежда,
И ломота, и зуд.
Дороги и причалы
Потомкам понастрой,
Жизнь положи на это —
И ляг в земле чужой.

Твой жребий – Бремя Белых!
Награда же из Наград —
Презренье родной державы
И злоба пасомых стад.
Ты (о, на каком ветрище!)
Светоч зажжешь Ума,
Чтоб выслушать:
«Нам милее Египетская тьма!»

Твой жребий – Бремя Белых!
Его уронить не смей!
Не смей болтовней о свободе
Скрыть слабость своих плечей!
Усталость не отговорка,
Ведь туземный народ

По сделанному тобою
Богов твоих познает.

Твой жребий – Бремя Белых!
Забудь, как ты решил
Добиться скорой славы, —
Тогда ты младенцем был.
В безжалостную пору,
В череду глухих годин
Пора вступить мужчиной,
Предстать на суд мужчин!

ГИМН ПЕРЕД БИТВОЙ

Перевод А. Оношкович-Яцына

Земля дрожит от гнева,
И темен океан,
Пути нам преградили
Мечи враждебных стран:
Когда потоком диким
Нас потеснят враги,
Йегова, Гром небесный,
Бог Сечи, помоги!

С высоким, гордым сердцем,
Суровые в борьбе,
С душою безмятежной,
Приходим мы к тебе!
Иной неверно клялся,
Иной бежал, как тать,
Ты знаешь наши сроки —
Дай сил нам умирать!

А тем, кто с нами разом
Зовет богов иных,
Слепой и темный разум
Прости за веру их!
Мы к ним пришли, как к братьям,

Позвали в страшный час —
Их не рази проклятьем,
Их грех лежит на нас!

От гордости и мести,
От низкого пути,
От бегства с поля чести
Незримо защити.
Да будет недостойным
Покровом благодать,
Без гнева и спокойно
Дай смерть Твою принять!

Мария, будь опорой,
Защитой без конца
Душе, что встанет скоро
Перед лицом Творца.
Мы все среди мучений
От женщин родились —
За верного в сраженье,
Мадонна, заступись!

Нас поведут к победам,
Мы смерть несем врагам,
Как помогал Ты дедам,
Так помоги и нам.
Великий, и чудесный,
И светлый в смертный час,
Йегова, Гром небесный,

Бог Сеч, услыши нас!

ОТПУСТИТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА

Перевод О. Юрьева

Бог праотцев, преславный встарь,
Господь, водивший нас войной,
Судивший нам – наш вышний Царь! —
Царить над пальмой и сосной,
Бог Сил! Нас не покинь! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

Вражде и смуте есть конец,
Вожди уходят и князья:
Лишь сокрушение сердец —
Вот жертва вечная твоя! Бог Сил!
Нас не покинь! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

Тускнеют наши маяки,
И гибнет флот, сжимавший мир...
Дни нашей славы далеки,
Как Ниневия или Тир. Бог Сил!
Помилуй нас! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

Коль, мощью призрачной хмельны,
Собой хвалиться станем мы,

Как варварских племен сыны,
Как многобожцы, чада тьмы, Бог Сил!
Нас не покинь! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

За то, что лишь болванки чтим,
Лишь к дымным жерлам знаем страх
И, не припав к стопам Твоим,
На прахе строим, сами прах,
За похвальбу дурацких од,
Господь, прости же Свой народ!

ЮЖНАЯ АФРИКА

Перевод Е. Витковского

Что за женщина жила
(Бог ее помилуй!) —
Не добра и не верна,
Жуткой прелести полна,
Но мужчин влекла она
Сатанинской силой.

Да, мужчин влекла она
Даже от Сент-Джаста,
Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
Африкой – и баста!

В реках девственных вода
Напрочь пересохла,
От огня и от меча
Стала почва горяча,
И жирела саранча,
И скотина дохла.

Много страсти сберегла
Для энтузиаста,

Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
Африкой – и баста!

Хоть любовники ее
Не бывали робки,
Уделяла за труды
Крохи краденой еды,
Да мочу взамен воды,
Да кизяк для топки.

Забивала в глотки пыль,
Чтоб смиреннее стали,
Пронимала до кости
Лихорадками в пути,
И клялись они уйти
Прочь, куда подале.

Отплывали, но опять,
Как ослы, упрямы,
Под собой рубили сук,
Вновь держали путь на юг,
Возвращались под каблук
Этой дикой дамы.

Все безумней лик ее
Чтили год от года —
В упоенье, в забытии

Отрекались от семьи,
Звали кладбища свои
Алтарем народа.

Кровью куплена твоей,
Слаще сна и крова,
Стала больше чем судьбой
И нежней жены любой —
Женщина перед тобой
В полном смысле слова!

Встань! Подобная жена
Встретится нечасто —
Южной Африке салют,
Нашей Африке салют,
Нашей собственной салют
Африке – и баста!

СЫН МОЙ ДЖЕК

Перевод Г. Усовой

Сын мой Джек не прислал мне весть?
Не с этой волной.
Когда он снова будет здесь?
Не с этим шквалом, не с этой волной.

А может, друг им он вести шлет?
Не с этой волной.
Ведь что утонуло, то вряд ли всплывет —
Ни с прибоем, ни с грозной волной.

В чем же, в чем утешение мне?
Не в этой волне,
Ни в одной волне,
В том, что он не принес позора родне
Ни с этим шквалом, ни с этой волной.

Так голову выше! Ревет прибой
С этой волной
И с каждой волной.
Он был сыном, рожденным тобой,
Он отдан шквалу и взят волной.

ГИЕНЫ

Перевод К.Симонова

Когда похоронный патруль уйдет
И коршуны улетят,
Приходит о мертвом взять отчет
Мудрых гиен отряд.

За что он умер и как он жил —
Это им все равно.
Добраться до мяса, костей и жил
Им надо, пока темно.

Война приготовила пир для них,
Где можно жрать без помех.
Из всех беззащитных тварей земных
Мертвец беззащитней всех.

Козел бодает, воняет тля,
Ребенок дает пинки.
Но бедный мертвый солдат короля
Не может поднять руки.

Гиены вонзают в песок клыки,
И чавкают, и рычат.
И вот уж солдатские башмаки

Навстречу луне торчат.

Вот он и вышел на свет, солдат, —

Ни друзей, никого.

Одни гиеньи глаза глядят

В пустые зрачки его.

Гиены и трусов, и храбрецов

Жуют без лишних затей,

Но они не пятнают имен мертвецов:

Это – дело людей.

МЕСОПОТАМИЯ

Перевод В. Дымшица

Они к нам не вернуться – их, отважных, полных сил,
Отдали в жертву, обратили в прах;
Но те, кто их в дерьме траншей бессовестно
сгноил,
Ужель умрут в почете и в летах?

Они к нам не вернуться, их легко втоптали в грязь,
Лишив подмоги, бросив умирать;
Но те, кто смерти их обрек, над ними же глумясь,
Ужель нам с теплых мест их не согнать?

Нам наших мертвых не видать до Страшного Суда,
Пока прочна оград закатных медь,
Но те, болтавшие вовсю, большие господа,
Ужель опять дано им власть иметь?

Ужель с грозой пройдет наш гнев, ужель простим и
Ужель увидеть снова мы хотим,
Как ловко и легко они опять наверх вползут
С изяществом, присущим только им?

Пускай они нам льстят и лгут, мороча дураков,
Пускай клянутся искупить свой грех,

Ужель поддержка их друзей и хор их должников
Им обеспечат, как всегда, успех?

Всею жизнью им не искупить и смертью не стереть
Навеки запятнавший нас позор;
Ужель у власти Лень и Спесь и дальше нам терпеть
Безмолвно, как терпели до сих пор?

БОГИ АЗБУЧНЫХ ИСТИН

Перевод И. Грингольца и Т. Грингольц

Проходя сквозь века и страны в обличье всех рас
земных,

Я сжился с Богами Торжищ и чтил по-своему их.

Я видел их Мощь и их Немошь, я дань им платил
сполна.

Но Боги Азбучных Истин – вот Боги на все времена!

Еще на деревьях отчих от Них усвоил народ:

Вода – непременно мочит, Огонь – непременно
жжет.

Но нашли мы подход бескрылым: где Дух, Идеал,
Порыв?

И оставили их Гориллам, на Стезю Прогресса
вступив.

С Ветром Времени мы летели. Они не спешили
ничуть.

Не мчались, как Боги Торжищ, куда бы ни стало
дуть.

Но Слово к нам нисходило, чуть только мы
воспарим,

И племя ждала могила, и рушился гордый Рим.

Они были глухи к Надеждам, которыми жив
Человек:

Молочные реки – где ж там! Нет и Медом текущих
рек!

И ложь, что Мечты – это Крылья, и ложь, что Хотеть
значит Мочь,

А Боги Торжищ твердили, что все так и есть, точь-
в-точь.

Когда затевался Кембрий, возвестили нам Вечный
мир:

Бросайте наземь оружие, сзывайте чужих на пир!
И продали нас, безоружных, в рабство, врагу под
ярем,

А Боги Азбучных Истин сказали: «Верь, да не
всем!»

Под клики «Равенство дамам!» жизнь в цвету нам
сулил Девон,

И ближних мы возлюбили, но пуще всего – их жен.
И мужи о чести забыли, и жены детей не ждут,

А Боги Азбучных Истин сказали: «Гибель за блуд!»

Ну а в смутное время Карбона обещали нам горы
добра:

Нищий Павел, соединяйся и раздень богатея
Петра!

Деньжищ у каждого – прорва, а товара нету нигде.
И Боги Азбучных Истин сказали: «Твой Хлеб – в

Труде!»

И тут Боги Торжищ качнулись, лъстивый хор их жрецов притих,

Даже нищие духом очнулись и дошло наконец до них:

Не все, что Блестит, то Золото, Дважды два – не три и не пять,

И Боги Азбучных Истин вернулись учить нас опять.

Так было, так есть и так будет, пока Человек не исчез.

Всего четыре Закона принес нам с собой Прогресс:
Пес придет на свою Блевотину, Свинья свою Лужу найдет,

И Дурак, набив себе шишку, снова об пол Лоб расшибет,

А когда, довершая дело, Новый мир пожалует к нам,

Чтоб воздать нам по нуждам нашим, никому не воздав по грехам, —

Как Воде суждено мочить нас, как Огню положено жечь,

Боги Азбучных Истин нагрянут, подъявши меч!

ДЕТИ МАРФЫ

Перевод Д.Закса

Дети Марии легко живут, к части они рождены
благой.

А Детям Марфы достался труд и сердце, которому
чужд покой.

И за то, что упреки Марфы грешны были пред
Богом, пришедшим к ней.

Детям Марии служить должны Дети ее до
скончанья дней.

Это на них во веки веков прокладка дорог в жару
и в мороз.

Это на них ход рычагов; это на них вращенье колес.

Это на них всегда и везде погрузка, отправка
вещей и душ,

Доставка по суше и по воде Детей Марии в любую
глушь.

«Сдвинься»,-горе они говорят. «Исчезни»,-они
говорят реке.

И через скалы пути торят, и скалы покорствуют их
руке.

И холмы исчезают с лица земли, осушаются реки
за пядью пядь.

Чтоб Дети Марии потом могли в дороге спокойно и сладко спать.

Смерть сквозь перчатки им леденит пальцы, сплетающие провода.

Алчно за ними она следит, подстерегает везде и всегда.

А они на заре покидают жилье, и входят в страшное стойло к ней.

И дотемна укрощают ее, как, взяв на аркан, укрощают коней.

Отдыха знать им вовек нельзя, Веры для них недоступен Храм.

В недра земли их ведет стезя, свои алтари они строят там,

Чтобы сочилась из скважин вода, чтобы, в землю назад уйдя,

Снова поила она города, вместе с каждой каплей дождя.

Они не твердят, что Господь сулит разбудить их пред тем, как гайки слетят,

Они не бубнят, что Господь простит, брось они службу, когда хотят.

И на давно обжитых путях и там, где еще не ступал человек,

В труде и бденье – и только так Дети Марфы проводят век.

Двигая камни, врубаясь в лес, чтоб сделать путь
прямей и ровней,

Ты видишь кровь – это значит: здесь прошел один
из ее Детей.

Он не принял мук ради Веры святой, не строил
лестницу в небеса,

Он просто исполнил свой долг простой, в общее
дело свой вклад внеся.

А Детям Марии чего желать? Они знают – ангелы
их хранят.

Они знают – им дана Благодать, на них
Милосердья направлен взгляд.

Они слышат Слово, сидят у ног и, зная, что Бог их
благословил,

Свое бремя взвалили на Бога, а Бог – на Детей
Марфы его взвалил.

ВДОВА ИЗ ВИНДЗОРА

Перевод А. Щербакова

Кто не знает Вдовы из Виндзора,
Коронованной старой Вдовы?
Флот у ней на волне, миллионы в казне,
Грош из них получаете вы
(Сброд мой милый! Наемные львы!).
На крупах коней Вдовы клейма,
Вдовый герб на аптечке любой.
Строгий Вдовый указ, словно вихрь, гонит нас
На парад, на ученья и в бой
Сброд мой милый! На бойню, не в бой!).
Так выпьем за Вдовье здоровье,
За пушки и боезапас,
За людей и коней, сколько есть их у ней,
У Вдовы, опекающей нас
(Сброд мой милый! Скликающей нас!)

Просторно Вдове из Виндзора,
Полмира считают за ней.
И весь мир целиком добывая штыком,
Мы мостим ей ковер из костей
(Сброд мой милый! Из наших костей!).
Не зарься на Вдовы лабазы,
Перечить Вдове не берись.

По углам, по щелям впору лезть королям,
Если только Вдова скажет: «Брысь!»
(Сброд мой милый! Нас шлют с этим «брысь!»).
Мы истинно Дети Вдовицы!
От тропиков до полюсов
Нашей ложи размах. На штыках и клинках
Ритуал отбрыцаем и зов
(Сброд мой милый! Ответ-то каков?)!

Не суйся к Вдове из Виндзора,
Исчезни, покуда ты цел!
Мы, охрана ее, по команде «В ружье!»
Разом словим тебя на прицел
(Сброд мой милый! А кто из вас цел?)!
Возьмись, как Давид-псалмопевец
За крылья зари – и всех благ!
Всюду встретят тебя ее горны, трубя,
И ее трижды латанный флаг
(Сброд мой милый! Равнение на флаг!)!
Так выпьем за Вдовьих сироток,
Что в строй по сигналу встают,
За их красный наряд, за их скорый возврат
В край родной и в домашний уют
(Сброд мой милый! Вас прежде убьют!)!

ТОММИ

Перевод И. Грингольца

Хотел я глотку промочить, гляжу – трактир открыт.
«Мы не пускаем солдатню!» – хозяин говорит.
Девиц у стойки не унять: потеха хоть куда!
Я восвояси повернул и плюнул со стыда.

«Эй, Томми, так тебя и сяк, ступай и не маячь!»
Но: «Мистер Аткинс, просим Вас!» – когда зовет
трубач.

Когда зовет трубач, друзья, когда зовет трубач,
Да, мистер Аткинс, просим Вас, когда зовет трубач!

На представленья я пришел, ну ни в одном глазу!
За мной ввалился пьяный хлыщ, и он-то сел внизу.
Меня ж отправили в раек, наверх, на самый зад.
А если пули запоют – пожалте в первый ряд!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, умерь-ка лучше прыть!»
Но: «Личный транспорт Аткинсу!» – когда за море
плыть.

Когда за море плыть, друзья, когда за море плыть,
Отличный транспорт Аткинсу, когда за море плыть!

Дешевый нам дают мундир, грошовый рацион,

Солдат – ваш верный часовой, – не больно дорог он!

И проще фыркать: дескать, он шумен навеселе,
Чем с полной выкладкой шагать по выжженной земле!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, да ты, мерзавец, пьян!»
Но: «Взвейтесь, грозные орлы!» – лишь грянет барабан.

Лишь грянет барабан, друзья, лишь грянет барабан,
Не дрянь, а «грозные орлы», лишь грянет барабан!

Нет, мы не грозные орлы, но и не грязный скот,
Мы – те же люди, холостой казарменный народ.
А что порой не без греха – так где возьмешь смирей:
Казарма не растит святых из холостых парней!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, тишком ходи, бочком!»
Но: «Мистер Аткинс, грудь вперед!» – едва пахнет дымком
Едва пахнет дымком, друзья, едва пахнет дымком,
Ну, мистер Аткинс, грудь вперед, едва пахнет дымком!

Сулят нам сытные пайки, и школы, и уют.
Вы жить нам дайте по-людски, без ваших сладких блюд!

Не о баланде разговор, и что чесать язык,
Покуда форму за позор солдат считать привык!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, катись и черт с тобой!»
Но он – «защитник Родины», когда выходит в бой.
Да, Томми, так его и сяк, не раз уже учен,
И Томми – вовсе не дурак, он знает, что почем!

СЛУЖБА КОРОЛЕВЫ

Перевод И. Грингольца

Когда новобранец идет на Восток,
Он глуп, как дите, а уж пьет – не дай бог,
И он же давится крестам у дорог,
Сосунок, не обученный службе.
Не обученный службе,
Не обученный службе,
Не обученный службе —
Службе Королевы!

А ну-ка, юнец, не обвыкший в строю,
Нишки да послушай-ка байку мою,
А я о солдатской науке спую,
О том, как поладить со службой.
Как поладить со службой...

Не вздумай, во-первых, таскаться в кабак.
Там пойло штыку не уступит никак,
Нутро продырявит, и дело – табак,
Поди, не порадуешь службу.
Не порадуешь службу...

Холеру могу обещать наперед.
Тогда, брат, и капли не взял бы я в рот.

С похмелья зараза тебя проберет
И в дугу так и скрутит на службе.
Так и скрутит на службе...

Но солнце – вот это всем бедам беда!
Свой пробковый шлем не снимай никогда
Или прямо к чертям загремишь ты, балда,
Как дурак ты загнешься на службе.
Ты загнешься на службе...

Если взводный, подлюга, на марше допек,
Не хнычь, точно баба, что валишься с ног,
Терпи и не пикни – увидишь, сынок,
О пиве заботится служба.
Позаботится служба...

Упаси тебя бог от сварливой жены!
Всех лучше, скажу я, вдова старшины:
С казенных харчей потеряешь штаны
И любовь не сойдется со службой.
Не сойдется со службой...

Узнаешь, что с другом гуляет жена, —
Стреляй, коли петля тебе не страшна.
Так пусть их на пару возьмет сатана,
И будь они прокляты службой!
Будь прокляты службой...

Не равняйся по трусам, попав под обстрел,

Даже бровью не выдай, что ты оробел.
Будь верен удаче и счастлив, что цел,
И вперед! – как велит тебе служба.
Как велит тебе служба...

Если мимо палишь ты, ружья не погань,
Не рычи на него: косоглазая рвань!
Ведь даже с тобой лучше ласка, чем брань,
И друг пригодится на службе!
Пригодится на службе...

А когда неприятель ворвался в редут,
И пушки-принцессы хвостами метут —
Прицела не сбей, не теряйся и тут,
К пальбе попривыкнешь на службе.
Попривыкнешь на службе...

Твой ротный убит, нет на старших лица...
Ты помнишь, надеюсь, что ждет беглеца.
Останься в цепи и держись до конца
И жди подкреплений от службы.
Подкреплений от службы...

Если ж, раненый, брошен ты в поле чужом,
Где старухи живых добивают ножом,
Дотянись до курка и ступай под ружьем
К Солдатскому Богу на службу.
Ты отчислен со Службы,
Ты отчислен со Службы,

Ты отчислен со Службы —
Службы Королевы!

ПУШКАРИ

Перевод И. Грингольца

В зубах неразлучная трубка, с вершин ветерок
сквозной,
Шагаю я в бурых крагах, мой бурый мул за спиной,
Со мной шестьдесят бомбардиров и – милым
толстушкам честь —
Тут гордость Британской Армии, все лучшее, что в
ней есть, – тсс, тсс!

Ведь наша любовь – это пушки, и пушки верны в
боях!
Бросайте свои погремушки, не то разнесут в пух и
прах – бабах!
Тащите вождя и сдавайтесь, все вместе: и трус, и
смельчак;
Не хватайся за меч, не пытайся утечь, нет от пушек
спасенья никак!

Нас гонят туда, где дороги, но чаще – где нет дорог,
И лезешь, как муха по стенке, нащупав ногой
бугорок.
Лушаев и нагу смяли, с афридиев сбили спесь
Мы, пушки, – две батареи, двум тыщам равные
здесь, – тсс, тсс!

Ведь наша любовь – это пушки...

Не тянешь – будь благодарен: научим жить на земле!

Не встанешь – ну что же, парень, патрон для тебя – в стволе.

Так делай свою работу без спеху, не напоказ,
Полевые части-не сахар? А ну, попотей у нас – тсс, тсс!

Ведь наша любовь – это пушки...

Над нами орлиный клекот, рокот реки, как гром,
Мы выдрались из чащобы – лишь скалы да снег кругом.

Бичом полосует ветер, и вниз по степям летит
Скрежет и скрип железа, тупой перестук копыт – тсс, тсс!

Ведь наша любовь – это пушки...

Колесо по Лезвию Неба, и Бездна у самых ног,
А путь, распахнутый в вечность, прямее, чем твой плевок,

От солнца и снега слепнешь, рубаха – выжми да брось,

Но намертво полрасчета в старуху нашу впряглось – тсс, тсс!

Ведь наша любовь – это пушки...

В зубах неразлучная трубка, с вершин ветерок
сквозной,

Карабкаюсь в бурых крагах, мой бурый мул за
спиной.

Где шли мы – мартышкам да козам и то не
дознаться, кажись.

«Родимые, тпру-у! Снять цепи! Шрапнелью! К бою!
Держисьсь!.. Тсс, тсс!»

Ведь наша любовь – это пушки, и пушки верны в
боях!

Не вздумайте лезть в заварушки, не то разнесут в
пух и прах – бабах!

Ташите вождя и сдавайтесь, все вместе: и трус, и
смельчак;

Хоть под землю засядь, там тебе и лежать – не
спасешься от пушек никак!

ПРАЗДНИК У ВДОВЫ

Перевод А. Щербакова

«Эй, Джонни, да где ж пропал ты, старик,
Джонни, Джонни?»

«Был приглашен я к Вдове на пикник».

«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Вручили бумагу, и вся недолга.

Явись, мол, коль шкура тебе дорога,

Напра-во! – и топай к чертям на рога,

На праздник у нашей Вдовы».

(Горн: «Та-рара-та-та-рара!»)

«А чем там поили-кормили в гостях,
Джонни, Джонни?»

«Тинной, настоящей на костях».

«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Баранинкой жестче кнута с ремешком,

Говядинкой с добрым трехлетним душком

Да, коли стащишь сам, петушком —

На празднике нашей Вдовы».

«Зачем тебе выдали вилку да нож,
Джонни, Джонни?»

«А там без них нигде не пройдешь».

«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Было что резать и что ворошить,
Было что ткнуть и потом искрошить,
Было что просто кромсать-потрошить
На празднике нашей Вдовы».

«А где ж половина гостей с пикника,
Джонни, Джонни?»

«У них оказалась кишка тонка».

«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Кто съел, кто хлебнул всего, что дают,
А этого ведь не едят и не пьют,
И вот их птички теперь клюют
На празднике нашей Вдовы».

«А как же тебя отпустила мадам,
Джонни, Джонни?»

«В лежку лежащим, ручки по швам».

«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Приставили двух черномазых ко мне
Носилки нести, а я в них на спине
По-барски разлежся в кровавом дерьме
На празднике нашей Вдовы».

«А чем же закончилась вся толкотня,
Джонни, Джонни?»

«Спросите полковника – не меня».

«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Король был разбит, был проложен тракт,
Был суд учрежден, в чем скреплен был акт,

А дождик смыл кровь, да украсит сей факт
Праздник у нашей Вдовы».
(Горн: «Та-рара-та-та-рара!»)

ДЖЕНТЛЬМЕН В ДРАГУНАХ

Перевод И. Грингольца

Вам, пропащим и презренным, вам, чужим в краю
отцов,

Вам, раскиданным по свету наугад,

Песню шлет британский джентльмен, образец из
образцов

И простой Ее Величества солдат.

Да, драгун на службе горькой, хоть ездил своей
шестеркой,

Но зря, дружок, он жизнь прожег свою,

Ведь распалась связь времен, лишь с мощной
протиснулся он,

И – отставить разговорчики в строю!

Агнец, заблудший неведомо где,

Бе-е! Бе-е!

Черный барашек в беде и нужде,

Бе-е-е!

Джентльмен, не ведающий святынь,

Проклят во веки веков, аминь!

Господи, грешника не покинь!

Бе-е! Ие-е! Бе-е!

Сладко пахнуть конским потом, слушать байки

забулдыг,
Котелок с устатку выхлебать до дна,
Служанок толстых тискать на танцульках полковых
И нахалу дать под дых за «шаркуна»!
То-то ходишь как петух, если в деле стоишь двух,
Но куда завиднее звезда
Томми, честного трудяги, кто тебе же драит краги
И сэром называет иногда...

Если все, что есть на свете, – дом, куда не пишешь
ты,
И клятвы, о которых позабудь,
Во сне врываются к тебе сквозь храп, из
темноты, —
Так кто нас смеет кружкой попрекнуть?
А когда восток светлеет, и фонарь дежурный тлеет,
И приятель спьяну дрыхнет, как сурок,
В простоте нагой и мертвой раскрывает весь позор
твой
До боли отбеленный потолок!

Мы покончили с Надеждой, мы погибли для Любви,
Из сердца Совесть выжгли мы дотла,
Мы на муки променяли годы лучшие свои —
Спаси нас бог, познавших столько зла!
Стыд паденья – наша плата за свершенное когда-
то,
А гордыня – в унижении навзрыд,
И судьба тебе, изгою, под чужой лежать звездой,

И никто не скажет Им, где ты зарыт!

Агнец, заблудший неведомо где,
Бе-е! Бе-е!

Черный барашек в беде и нужде,
Бе-е-е!

Джентльмен, не ведающий святынь,
Проклят во веки веков, аминь!

Господи, грешника не покинь!
Бе-е! Ие-е! Бе-е!

БРОД НА РЕКЕ КАБУЛ

Перевод С. Тхоржевского

Возле города Кабула —
В рог труби, штыком вперед! —
Захлебнулся, утонул он,
Не прошел он этот брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула.
Ночью вброд через Кабул-реку!
В эту ночь с рекой бурлившей эскадрон
боролся плывший,
Темной ночью вброд через Кабул-реку.

В городе развалин груды —
В рог труби, штыком вперед! —
Друг тонул, и не забуду
Мокрое лицо и рот!
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Примечай, вступая в воду, – вехи есть
для перехода
Темной ночью вброд через Кабул-реку.

Солнечен Кабул и пылен —
В рог труби, штыком вперед! —
Мы же вместе, рядом плыли,

Мог прийти и мой черед...
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Там течение волны гонит, слышишь – бьются
наши кони?
Темной ночью вброд через Кабул-реку...

Взять Кабул должны мы были —
В рог труби, штыком вперед! —
Прочь отсюда, где сгубили
Мы друзей, где этот брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула.
Ночью вброд через Кабул—реку!
Удалось ли обсушиться, не хотите ль
возвратиться
Темной ночью вброд через Кабул-реку?

Провались она хоть в ад —
В рог труби, штыком вперед! —
Ведь остался б жив солдат,
Не войди он в этот брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула.
Ночью вброд через Кабул-реку!
Бог простит грехи их в мире... Башмаки у них,
как гири, —
Темной ночью вброд через Кабул-реку...

Поверни от стен Кабула —
В рог труби, штыком вперед! —

Половина утонула
Эскадрона, там, где брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула
Ночью вброд через Кабул-реку!
Пусть в реке утихли воды, не зовем уже
к походу
Темной ночью вброд через Кабул-реку

ФУЗЗИ-ВУЗЗИ

Перевод С. Тхоржевского
(Суданские экспедиционные части)

Знавали мы врага на всякий вкус:
Кто похрабрей, кто хлипок, как на грех,
Но был не трус афганец и зулус,
А Фуззи-Вуззи – этот стоил всех!
Он не желал сдаваться, хоть убей,
Он часовых косил без передышки,
Засев в чащобе, портил лошадей
И с армией играл, как в кошки-мышки.

За твое здоровье, Фуззи, за Судан, страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты воином в бою!

Билет солдатский для тебя мы выправим путем,
А хочешь поразмяться, так распишемся на нем!

Вгонял нас в пот Хайберский перевал,
Нас дуриком, за милю, шлепал бур,
Мороз под солнцем Бирмы пробирал,
Лихой зулус ощипывал, как кур,
Но Фуззи был по всем статьям мастак,
И сколько ни долдонили в газетах
«Бойцы не отступают ни на шаг!»

Он колошматил нас и так и этак.

За твое здоровье, Фуззи, за супругу и ребят!
Был приказ с тобой покончить, мы успели в аккурат.
Винтовку против лука честной не назвать игрой,
Но все козыри побил ты и прорвал британский
строй!

Газеты не видал он никогда,
Медалями побед не отмечал,
Так мы расскажем, до чего удал
Удар его двуручного меча!
Он из кустиков на голову кувырк
Со щитом навроде крышки гробовой —
Всего денек веселый этот цирк,
И год бедняга Томми сам не свой.

За твое здоровье, Фуззи, в память тех, с кем ты
дружил,
Мы б оплакали их вместе, да своих не счесть
могил.
Но равен счет – мы присягнем, хоть Библию
раскрой:
Пусть потерял ты больше нас, ты смял британский
строй!

Ударим залпом, и пошел бедлам:
Он ныряет в дым и с тылу мельтешит.
Это прямо порох с перцем пополам

И притворщик, если мертвый он лежит.
Он – ягненок, он – мирный голубок,
Попрыгунчик, соскочивший со шнурка,
И плевать ему, куда теперь пролегал
Путь Британского Пехотного Полка!

За твое здоровье, Фуззи, за Судан, страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты воином в
бою!

За здоровье Фуззи-Вуззи, чья башка копна копной:
Чертов черный голодранец, ты прорвал
британский строй!

ДЕННИ ДИВЕР

«О чем с утра трубят рожки?» – один из нас сказал.
«Сигналят сбор, сигналят сбор», – откликнулся капрал.

«Ты побелел, как полотно!» – один из нас сказал.
«Я знаю, что покажут нам», – откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер ранним-рано, на заре,
Похоронный марш играют, полк построился в каре,
С плеч у Денни рвут нашивки – на казарменном дворе

Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

«Как трудно дышат за спиной», – один из нас сказал.

«Хватил мороз, хватил мороз», – откликнулся капрал.

«Свалился кто-то впереди», – один из нас сказал.
«С утра печет, с утра печет», – откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер, вдоль шеренг ведут его,

У столба по стойке ставят возле гроба своего,
Скоро он в петле заплещет, как последнее стервю!
Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

«Он спал направо от меня», - один из нас сказал.
«Уснет он нынче далеко», - откликнулся капрал.
«Не раз он пиво ставил мне», - один из нас сказал.
«Он хлещет горькую один», - откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер, по заслугам приговор:

Он убил соседа сонным, на него взгляни в упор,
Земляков своих бесчестье и всего полка позор —
Будет вздернут Денни Дивер рано утром!

«Что это застит белый свет?» - один из нас сказал.
«Твой друг цепляется за жизнь», - откликнулся капрал.

«Что стонет там, над головой?» - один из нас сказал.

«Отходит грешная душа», - откликнулся капрал.

Кончил счета Денни Дивер, барабаны бьют поход,
Полк построился колонной, нам командуют:
«Вперед!»

Хо! - трясутся новобранцы, промочить бы пивом рот —

Нынче вздернут Денни Дивер рано утром.

МАРШЕМ К МОРЮ

Перевод И. Грингольца

К морю, к морю, к морю марш вперед!
Шесть годков трубили мы, другим теперь черед.
Оставим мертвых с миром – они не встанут в
строй,
Когда причалит пароход везти живых домой!
Плывем домой, плывем домой,
Уже пришли суда,
И вещмешок уложен впрок —
Нас не вернешь сюда!
Брось плакать, Мэри-Энн!
Солдатчина – не век,
И тебя наконец поведу под венец
Я – вольный человек!

Вон «Малабар» у пирса, и «Джамнер» тоже там,
И все, кто на гражданку, ждут команды «По
местам!»
Не то что на Хайбере ждать, когда подымут в
бой, —
Все, кто на гражданку, ждут команды плыть домой.

Нас в мозглый Портсмут привезут, где холод и
мокреть,

В одной хлопчатке на плечах костей не отогреть!
Так пусть не пуля – хворь пришьет, расчет у них
прямой!
Да черт с ней, с лихотанкой, если мы плывем
домой!

К морю, к морю, братцы, шире шаг!
Шлют на старую войну новых бедолаг.
Седьмую шкуру с вас сдерут за хлеб за дармовой!
Как там Лондон, молодцы? Нам нынче плыть
домой!

К морю, к морю, дом недалеко,
Английские девчонки, английское пиво!
Полковник со своим полком и все, кто за кормой,
Будь милосерден к вам Господь! А мы – плывем
домой!
Плывем домой, плывем домой,
Уже пришли суда,
И вещмешок уложен впрок —
Нас не вернешь сюда!
Брось плакать, Мэри-Энн!
Солдатчина – не век,
И тебя наконец поведу под венец
Я – вольный человек!

МАНДАЛАЙ

Перевод И. Грингольца

Возле пагоды старинной, в Бирме, дальней
стороне

Смотрит на море девчонка и скучает обо мне.

Голос бронзы колокольной кличет в пальмах то и
знай:

«Ждем британского солдата, ждем солдата в
Мандалай!

Ждем солдата в Мандалай,

Где суда стоят у свай,

Слышишь, шлепают колеса из Рангуна в
Мандалай!

На дороге в Мандалай,

Где летучим рыбам рай

И зарю раскатом грома из-за моря шлет Китай!»

Супи-плат звать девчонку, имя царское у ней!

Помню желтую шапчонку, юбку, травки зеленой.

Черт-те что она курила – не прочухаться в дыму,

И, гляжу, целует ноги истукану своему!

В ноги падает дерьму,

Будда – прозвище ему.

Нужен ей поганый идол, как покрепче обниму

На дороге в Мандалай...

В час, когда садилось солнце и над рисом стлалась
мгла,
Для меня брэнчало банджо и звучало: «Кулло-ла!»
А бывало, что в обнимку шли мы с ней, щека к
щеке,
Поглядеть на то, как хати лес сгружают на реке,
Как слоны бредут к реке
В липкой тине и песке,
Тишь такая – слово стынет у тебя на языке
На дороге в Мандалай...

Это было все да сплыло, вспоминай не вспоминай.
Севши в омнибус у Банка, не доедешь в Мандалай.
Да, недаром поговорка у сверхсрочников была:
«Тем, кто слышит зов Востока, мать-отчизна не
мила».
Не отчизна им мила —
Пряный дух, как из котла,
Той земли, где плещут пальмы и звенят колокола
На дороге в Мандалай...

Я устал трепать подметки по булыжной мостовой,
А от лондонской погодки ломит кости не впервой.
Здесь прислуги целый ворох, пьешь-гуляешь без
забот,
Дурь одна в их разговорах: кто любви-то ихней
ждет?
Жидкий волос, едкий пот...

Нет, меня другая ждет,
Мой душистый, чистый цветик у бездонных,
сонных
На дороге в Мандалай...

Там, к востоку от Суэца, злу с добром – цена одна,
Десять заповедей – сказки, и кто жаждет – пьет до
дна,
Кличет голос колокольный, и привольно будет мне
Лишь у пагоды старинной, в полуденной стороне
На дороге в Мандалай,
Где суда стоят у свай, —
Мы кладем больных под тенты и идем на
Мандалай
О, дорога в Мандалай,
Где летучим рыбам рай
И зарю раскатом грома из-за моря шлет Китай!

ШИЛЛИНГ В ДЕНЬ

Перевод И. Грингольца

Меня звать О'Келли, испытан я в деле,
Прошел я в шинели из Лидса в Лахор.
Пешавар и Лакну —
Что вспомню, то крикну:
Их полный набор – дыр на «ар» или «ор».
Знал черную хворость, знал горькую горесть,
Прицельную прорезь и смертную тень,
Но стар я и болен,
И вот я уволен,
А выслуга, воин, – по шиллингу в день.

Хор: Шиллингом в день —
Туже ремень!
Будь же доволен и шиллингом в день!

Мне снятся поныне пески и пустыни,
Как скачем мы в пене по следу газа,
И падают кони,
И кто в эскадроне
В погоне на смерть свою глянет вблизи!
Что ж, рвется, где тонко...
Жену ждет поденка,
Меня – работенка рассыльным по Лондону.

И в холод, и в дождь
Меня ты найдешь:
Сгодится и грош на приварок голодному!

Хор: Чем пособишь ему, Воину бывшему?
Хоть письмецо на разноску подкинь!
Вспомни, как жил он,
Что заслужил он,
И – Боже, храни Королеву! Аминь.

МАРШ «ХИЩНЫХ ПТИЦ»

Перевод И. Грингольца
(Войска Заморской службы)

«Ша-агом...» Грязь коростой на обмотках мокрых.
«Арш!» Чехол со знаменем мотает впереди.
«Правое плечо!» А лица женщин в окнах
Не прихватишь на борт, что гляди, что не гляди.

Даешь! Не дошагать нам до победы.
Даешь! Нам не восстать под барабанный бой.
Стая Хищных Птиц Вместо райских голубиц —
И солдаты не придут с передовой.

«Подтянись!» Перед причалом полк скопился.
«Левой! Рота, стой!» И вот видны суда.
Суки, там – битком, а нас полно на пирсе!
Боже правый, нас везут невесть куда...

«Товсь к погрузке!» Пусть малюют черта—
Хвост трубой! Еще гульнем, солдат!
И кончай о ней. Любовь, браток, – до борта.
«Марш!» Бог помощь, если ты женат.

«Разойдись!» Завьем печали, братцы!
(Слышь, теперь бы нам пожрать, да побыстрей!)

Эвон, и горячим-то давятся —
Погоди, как доживешь до сухарей!

«Эй, женатые, от трапа!» Не надейся,
Тут на берег мы обратно не сойдем.
Дай вам сил, ох, дай вам сил, — конногвардейцы,
Сторожить нас в это утро под дождем...

Вбитый в строй, как гвоздь, промокший до
бельишка,

В глотке ком, хоть не пошло тебя качать, —
Здесь твой дом родной. «Отставить песню!».
Крышка.

«На поверку ста-а-новись! Молчать!»
Даешь! Нам не дожить до блеваной победы.
Даешь! Нам не восстать под барабанный бой.
(Хвост трубой!)

А гиена и шакал

Все сожрут, что бог послал,
И солдаты не придут с передовой («Рота, в бой!»)

Коршунье и воронье

Налетит урвать свое,

И солдаты не придут с передовой («Рота, в бой!»)

Стая Хищных Птиц

Вместо райских голубиц —

И солдаты не придут с передовой!

САПЕРЫ

Перевод А. Оношкович-Яцына
(Королевские инженеры)

Чуть из хлябей явился земной простор
(«Так точно!» – сказал сапер),
Господь бог сотворил Инженера
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

И когда был потоп и свирепый муссон,
Это Ной сконструировал первый понтон
По чертежу инженера
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

Поработавши в сырости, солнцем палим,
Захмелел старый Ной, чего не было б с ним,
Если б жил он среди инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

И когда с Вавилонскою башней был крах,
Дело было у ловких гражданцев в руках,
А не в руках инженера
Инженерных ее величества Войск

С содержанием и в чине Сапера.

И когда под холмом у Евреев шел бой,
Сын Навинов скомандовал солнцу: «Стой!»
Потому, что он был капитаном
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Перестали в кирпич солому класть —
Это первой делала наша часть,
Это дело господ инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Потому-то с тех пор от войны до войны
Страницы истории нами полны,
С первых же строк – инженеры
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Мы дороги для них пролагаем всегда,
Через заросли джунглей ведем поезда,
По обычаю инженера
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

С фугасом и миной шлют нас вперед,
И то, что пехота атакой возьмет,
Сначала взорвут инженеры

Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

С киркою и заступом шлют нас назад
Копать окопы для тех бригад,
Что позвали господ инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

С полной выкладкой под охраной трудясь,
Мы месим для этих язычников грязь,
А потом шлют в тыл инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

Мы сушим болото, взрываем утес,
А они с путей летят под откос
И доносят на инженера
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

Мы им строим колодцы, мосты, очаги,
Телеграфы – а провод срезают враги,
И за это бранят инженера
Инженерных ее величества Войск
С содержаньем и в чине Сапера.

И когда мы вернемся и будет мир,
Из зависти не разукрасят квартир,

Предназначенных для инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Мы им строим казармы, они же кричат,
Что полковник – сектант, сумасброд и женат,
Оскорбляя нас, инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Нет благодарности в них искони,
Чем сильнее наша помощь, тем больше они
Изводят нас, инженеров
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Что пехота? С винтовкой в руке человек!
А конница? Так, лошадиный бег!
Все дело в одних инженерах
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Артиллерия – та чересчур тяжела,
Только мы одни и вершим дела,
Потому что мы инженеры
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

Спору нет, за других и понюшки не дашь

(«Так точно!» – сказал Сапер),
И один только корпус хорош – это наш,
Нас зовут – господа инженеры
Инженерных ее величества Войск
С содержанием и в чине Сапера.

СОЛДАТ И МАТРОС ЗАОДНО

Перевод А. Щербакова
(Королевскому полку морской пехоты)

Со скуки я в хлябь с полуюта плевал,
терпел безмонетный сезон,
Вдруг вижу – на крейсере рядом мужик,
одет на армейский фасон
И драит медяшку. Ну, я ему грю:
«Э, малый! Ты что за оно?»
«А я, грит, Бомбошка у нашей Вдовы,
солдат и матрос заодно».
Какой ему срок и подробный паек,
конечно, особый вопрос,
Но скверно, что он ни пехота, ни флот,
ни к этим, ни к тем не прирос,
Болтается, будто он дуромфродит,
диковинный солдоматрос.
Потом я в работе его повидал
по разным дремучим углам,
Как он митральезой настраивал слух
языческим королям.
Спит не на койке он, а в гамаке —
мол, так у них заведено,
Муштруют их вдвое – Бомбошек Вдовы,
матросов, солдат заодно.

Все должен бродяга и знать, и уметь,
затем и на свет их плодят.
Воткни его в омут башкой – доплывет,
хоть рыбы кой-что отъедят.
Таков всепролазный гусьмополит,
диковинный матросолдат.
У нас с ними битвы в любом кабаке —
и мы, и они удалы,
Они нас «костлявой блевалкой» честят,
а мы им орем: «Матрослы!»
А после, горбятя с присыпкой наряд,
где впору башкой о бревно,
Пыхтим: «Выручай-ка, Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно».
Он все углядит, а что нужно, сопрет
и слов не потратит на спрос,
Дудят нам подъемчик, а он уже жрет,
в поту отмахавши свой кросс.
Ведь он не шлюнтяйка, а крепкий мужик,
тот спаренный солдоматрос!

По-вашему, нам не по нраву узда,
мы только и знаем что ржем,
По классам да кубрикам воду мутим,
чуть что – так грозим мятежом,
Но с форсом подохнуть у края земли
нам тоже искусство дано,
И тут нам образчик – Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.

А он – та же черная кость, что и мы,
по правде сказать, он нам брат,
Мал-мал поплечистей, а если точнее,
то на полвершка в аккурат,
Но не из каких-нибудь там хрензантем,
породистый матросолдат.

Подняться в атаку, паля на бегу,
оно не такой уж и страх,
Когда есть прикрытие, тыл и резерв,
и крик молодецкий в грудях.
Но скверное дело – в парадном строю
идти с «Биркенхедом» на дно,
Как шел бедолага Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.
Почти салажонок, ну что он успел?
Едва, до набора дорос,
А тут – иль расстрел, или драка в воде,
а всяко ершам на обсос,
И, стоя в шеренге, он молча тонул —
герой, а не солдоматрос.

Полно у нас жуликов, все мы вруны,
похабники, рвань, солдатня,
Мы с форсом подохнем у края земли
(все, милые, кроме меня).
Но тех, кто «Викторию» шел выручать,
добром не попомнить грешно,
Ты честно боролся, Бомбошка Вдовы,

солдат и матрос заодно.
Не стану бог знает чего говорить,
другие пускай говорят,
Но если Вдова нам работу задаст,
Мы выполним все в аккурат.
Вот так-то! А «мы» понимай и «Ее
Величества матросолдат»!

ХОЛЕРНЫЙ ЛАГЕРЬ

Перевод А Сендыка

Холера в лагере нашем, всех войн страшнее она,
Мы мрем средь пустынь, как евреи в библейские
времена.

Она впереди, она позади, от нее никому не уйти...
Врач полковой доложил, что вчера не стало еще
десяти.

Эй, лагерь свернуть – и в путь! Нас трубы торопят,
Нас ливни топят...

Лишь трупы надежно укрыты, и камни на них, и
кусты...

Грохочет оркестр, чтоб унынье в нас побороть,
Бормочет священник, чтоб нас пожалел господь,
Господь...

О боже! За что нам такое, мы пред тобою чисты.

В августе хворь эта к нам пришла и с тех пор висит
на хвосте,

Мы шагали бессонно, нас грузили в вагоны, но она
настигала везде,

Ибо умеет в любой эшелон забраться на полпути...
И знает полковник, что завтра опять не хватит в
строю десяти.

О бабах нам тошно думать, на выпивку нам
плевать,
И порох подмок, остается только думать и
маршировать,
А вслед по ночам шакалы завывают: «Вам не
дойти,
Спешите, ублюдки, не то до утра не станет еще
десяти!»

Порядочки, те, что теперь у нас, насмешили б и
обезьян:
Лейтенант принимает роту, возглавляет полк
капитан,
Рядовой командует взводом... Да, по службе легко
расти,
Если служишь там, где вакансий ежедневно до
десяти.

Иссох, поседел полковник, он мечется день и ночь
Среди госпитальных коек, меж тех, кому не помочь.
На свои он берет продукты, не боясь карман
растрясти,
Только проку пока не видно, что ни день – то нет
десяти.

Пастор в черном бренчит на банджо, лезет с мулом
прямо в ряды,
Слыша песни его и шутки, надрывают все животы,

Чтоб развлечь нас, он даже пляшет: «Ти-ра-ри-ра,
ра-ри-ра-ти!»

Он достойный отец для мрущих ежедневно по
десяти.

А католиков ублажает рыжекудрый отец Виктор,
Он поет ирландские песни, ржет взახлеб и городит
вздор...

Эти двое в одной упряжке, им бы только воз
довезти...

Так и катится колесница – сутки прочь, и нет
десяти.

Холера в лагере нашем, горяча она и сладка,
Дома лучше кормили, но, сев за стол, нельзя не
доесть куска.

И сегодня мы все бесстрашны, ибо страху нас не
спасти,

Маршируем мы и теряем на день в среднем по
десяти.

Эй! Лагерь свернуть – и в путь! Нас трубы торопят,
Нас ливни топят...

Лишь трупы надежно укрыты, и камни на них, и
кусты...

Те, кто с собою не справятся, могут заткнуться,
Те, кому сдохнуть не нравится, могут живыми
вернуться.

Но раз уж когда-нибудь все равно ляжем и я, и ты,

Так почему б не сегодня без споров и суеты.

А ну, номер первый, заваливай стояки,
Брезент собери, растяжек не позабудь,
Веревки и колья – все вали во вьюки!
Пора, о пора уже лагерь свернуть – и в путь...
(Господи, помоги!)

Предание «ПРОВОДИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ»

Перевод Д. Закса

Я не знал никого, кто б сравнился с ним,
Ни в пехоте, ни в конных полках.
И уж раз таким он был, то и, стало быть, погиб,
Ведь иначе лучшим никак.

Что ж, по последней затяжке, и проводите меня!
Ну-ка, хлебните из фляжки и проводите меня!
Слышите, бьет, бьет барабан,
Проводите меня домой!

А кобыла его ржала день и ночь,
Всполошила наш весь бивак,
И не стала брать овса, все, живая тварь, ждала,
Ведь иначе твари никак.

А девчонка его сержанта нашла,
Хоть прошло-то всего пустяк,
И поймала на крючок, округилась в церкви с ним,
Ведь девчонке иначе никак.

Мы недавно поцапались с ним, а он

Не слабак, и я не слабак.

Я теперь и сам не рад, только поздно пожалел,
Ведь поправить нельзя никак.

Мне такого друга уже не найти

Ни у нас, ни в других полках,

Я нашивки, кошт отдам, лишь бы жив он был, да
что ж?

Ведь его не вернешь никак.

Что ж, по последней затылке, и проводите меня!

Ну-ка, хлебните из фляжки и проводите меня!

Слышите флейты поют, поют,

Проводите меня домой!

Увозите его! Ему не было равных и нету.

Увозите его! Наклоните знамена к лафету.

Увозите его! Он уходит к другим берегам.

Увозите его! Плачут флейты и бьет барабан.

Ну-ка, «тринадцать из строя», и проводите меня!

«По три холостых в честь героя», и проводите
меня!

О, превыше женской любви,

Проводите меня домой!

«И ВОСХИЩАТЬСЯ...»

Перевод О. Юрьева

В Индийском океане тишь,
Глядит он кротостью самой;
Волны нигде не различишь,
Кроме дорожки за кормой.

Корабль несется, дня уж нет,
Пробили склянки – отдыхай...
Чернея на закатный свет,
Индус поет: «Хам декхта хай».

И восхищаться, и дышать,
И жить бескрайностью дорог —
Без толку! – мог бы я сказать.
Но бросить бы уже не смог!

Слежу ли за игрой старшин,
Ловлю ли женский смех и гам,
Гляжу ли, как офицера
На шканцах провожают дам,
Я думаю про что ушло,
Взгляд утопивши в синей мгле,
И вот я словно бы один
На опустевшем корабле.

Про что ушло, что видел я
В казарме, в лагерях, в бою,
Рассказываю сам себе
И правды сам не узнаю;
Так странно, слишком странно все...
Что ж, это нынче позади.
Да, было всякое со мной,
Но – больше в будущем, поди.

Да, на заметку я попал,
Я нарушал закон полка,
И сам себя со стороны
Я видел в роли дурака —
Познавья цену я платил
И не был ею возмущен,
А прохлаждался на «губе»,
Мироустройством восхищен.
На траверзе возник дымок,
И встал над морем там, вдали,
Горбучий Аден, точно печь,
Которую уж век не жгли.
Проплыл я мимо этих скал
Шесть лет назад – теперь домой
Плыву, солдат, отбывший срок,
С шестью годами за спиной.

Невеста плакала: «Вернись!»
И мать вздыхала тяжело.

Они мне не писали – знать,
Ушли: ушли, как все ушло.
Как все ушло, что разглядел,
Открыл, узнал и встретил я.
Как высказать, что на душе?
И я пою. Вот песнь моя:

И восхищаться, и дышать,
И жить бескрайностью дорог —
Без толку! – мог бы я сказать.
Но бросить бы уже не смог!

ПЫЛЬ

Перевод А. Оношкович-Яцына
(Пехотные колонны)

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь – все по той же Африке
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Восемь-шесть-двенадцать-пять – двадцать миль
на этот раз,
Три-двенадцать-двадцать две – восемнадцать
миль вчера.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Брось-брось-брось-брось – видеть то, что впереди.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Все-все-все-все – от нее сойдут с ума,
И отпуска нет на войне!

Ты-ты-ты-ты – пробуй думать о другом,
Бог-мой-дай-сил – обезуметь не совсем!
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне!

Счет-счет-счет-счет – пулям в кушаке веди,
Чуть-сон-взял-верх – задние тебя сомнут.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Для-нас-все-вздор – голод, жажда, длинный путь,
Но-нет-нет-нет – хуже, чем всегда одно, —
Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!

Днем-все-мы-тут – и не так уж тяжело,
Но-чуть-лег-мрак – снова только каблуки.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Я-шел-сквозь-ад – шесть недель, и я клянусь,
Там-нет-ни-тьмы – ни жаровен, ни чертей,
Но-пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!

ДОБРОВОЛЬНО «ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ»

Перевод К. Симонова

Неважный мир господь для нас скропал.
Тот, кто прошел насквозь солдатский ад
И добровольно «без вести пропал»,
Не беспокойтесь, не придет назад!

Газеты ввали вам средь бела дня,
Что мы погибли смертью храбрецов.
Некрологи в газетах – болтовня,
Нам это лучше знать, в конце концов.

Врачи приходят после воронья,
Когда не разберешь, где рот, где нос.
И только форма рваная моя
Им может сделать на меня донос.

Но я ее заставлю промолчать.
Потом лопаты землю заскребут,
И где-то снова можно жизнь начать,
Когда тебя заочно погребут.

Мы будем в джунглях ждать до темноты —

Пока на перекличке подтвердят,
Что мы убиты, стало быть, чисты;
Потом пойдем куда глаза глядят.

Мы снова сможем девочек любить,
Могилы наши зарастут травой,
И траурные марши, так и быть,
Наш смертный грех покроют с головой.

Причины дезертирства без труда
Поймет солдат. Для нас они честны.
А что до ваших мнений, господа, —
Нам ваши мненья, право, не нужны.

ЭПИТАФИИ

Перевод К. Симонова
1914-1918

Политик

Я трудиться не умел, грабить не посмел,
Я всю жизнь свою с трибуны лгал доверчивым и
юным,
Лгал – птенцам.
Встретив всех, кого убил, всех, кто мной обманут
был,
Я спрошу у них, у мертвых, бьют ли на том свете
морду
Нам – лжецам?

Эстет

Я отошел помочиться не там, где вся солдатня.
И снайпер в ту же секунду меня на тот свет
отправил.
Я думаю, вы не правы, высмеивая меня,

Умершего принципиально, не меняя своих правил.

Командир морского конвоя

Нет хуже работы – пасти дураков.
Бессмысленно храбрых – тем более.
Но я их довел до родных берегов
Своею посмертною волею.

Эпитафия канадцам

Все отдав, я не встану из праха,
Мне не надо ни слов, ни похвал.
Я не жил, умирая от страха,
Я, убив в себе страх, воевал.

Бывший клерк

Не плачьте! Армия дала
Свободу робкому рабу.
За шиворот приволокла

Из канцелярии в судьбу,

Где он, узнав, что значит сметь,
Набрался храбрости – любить
И, полюбив, – пошел на смерть,
И умер. К счастью, может быть.

Новичок

Они быстро на мне поставили крест —
В первый день, первой пулей в лоб.
Дети любят в театре вскакивать с мест —
Я забыл, что это – окоп.

Новобранец

Быстро, грубо и умело за короткий путь земной
И мой дух, и мое тело вымуштровала война.
Интересно, что способен сделать Бог со мной
Сверх того, что уже сделал старшина?

Трус

Я не посмел на смерть взглянуть
В атаке среди бела дня,
И люди, завязав глаза,
К ней ночью отвели меня.

Ординарец

Я знал, что мне он подчинен и, чтоб спасти меня, —
умрет.
Он умер, так и не узнав, что надо б все наоборот!

Двое

А. — Я был богатым, как раджа.
Б. — А я был беден.
Вместе. — Но на тот свет без багажа
Мы оба едем.

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Перевод В. Топорова

Была как Гефсиманский сад
Пикардия для нас.
И провожал нас каждый взгляд
На гибель каждый час.
На гибель нас, на гибель нас —
Хоть каждый выжить рад.
И заползал под маски газ
Там, где кончался сад.

Светился Гефсиманский сад
Сияньем женских глаз.
Но чаша близилась для нас —
И меркнул женский взгляд.
Да минет нас, да минет нас
Она на этот раз.
Помилуй, Боже, упаси —
И мимо пронеси.

Он не пронес, он не упас,
Не спас любимых чад!
Был в чаше смертоносный газ
Там, где кончался сад.

МАТЕРЬ МОЯ

Перевод О. Юрьева

Будь я повешен на вершине крутой,
Мать моя! О мать моя!
Знаю, чья любовь бы осталась со мной.
Мать моя! О мать моя!

Будь я утоплен в морской глубине,
Мать моя! О мать моя!
Знаю, чьи слезы протекли бы ко мне.
Мать моя! О мать моя!

Будь проклят я в духе и во плоти,
Знаю, чьи молитвы могли бы спасти.
Мать моя! О мать моя!

ЗОВ

Перевод Г. Усовой

Я – родина их предков,
Во мне их покой и твердь,
Я призову их обратно
До того, как нагрянет смерть.

Под их ногами в травах —
Волшебная песнь моя.
Вернутся они как чужие,
Останутся как сыновья.

В ветвях вековых деревьев,
Где простерлась отныне их власть,
Сплетаю им заклятье —
К моим ногам припасть.

Вечерний запах дыма
И запах дождя ночной
Часами, днями, годами
Колдуют над их душой —

Пусть поймут, что я существую
Тысячу лет подряд.
Я наполню познаьем их сердце,

Я наполню слезами их взгляд.

ДОРОГА В ЛЕСУ

Перевод В. Шубинского

Закрыли путь через лес
Семьдесят лет назад.
Он дождем был размыт и бурей разбит,
И ничей не заметит взгляд,
Что дорога шла через лес
Там, где нынче шумит листва,
А приземный слой – лишь вереск сухой
Да пятнышки анемон.
Лишь сторож помнит едва —
Где барсук проскакал да исчез,
Где горлица яйца снесла,
Когда-то был путь через лес.

Но если тыходишь в лес
Летним вечером, в час,
Когда холод идет от стоячих вод
И выдры, не чуя нас,
Пересвистываются через лес,
В подступающей полутьме
Вдруг зазвучит перезвон копыт,
И шелест юбок, и смех,
Будто кто-то спешит
Мимо пустынных мест,

Твердо держа в уме
Забывтый путь через лес.
Но нет пути через лес.

МОЛИТВА МИРИАМ КОЭН

Перевод С. Степанова

О Господи, затми тщетой
Мятущийся наш взор,
Чтоб слепо шли мы на убой
И слепо на костер.

Свои Деяния от нас
И Битвы утаи,
Чтоб мы не поднимали глаз
На небеса Твои.

И наши души сохрани
В неведение о том,
Куда, покинув плоть, они
Отправятся потом.

Свой Путь, Свой Промысел сокрой
И отврати Глагол,
Чтоб нас и Шепот даже Твой
В смущенье не привел.

Пусть вечно разделяет нас
Глухой завесой Тьма,
Чтоб Око Божие и Глас

Нас не свели с ума.

ГРАДЫ, ТРОНЫ И СЛАВЫ

Перевод В.Шубинского

Грады, троны и славы
Этой Земли,
Как полевые травы,
На день выросли.
Вновь цветы расцветают,
Радуя глаз,
Вновь города из руин возникают
На миг, на час.

И цветок чуть расцветший
Слышал едва ль,
Про години прошедшей
Свет и печаль,
Но в блаженстве незнания
Гордый цветок
Мнит в семидневное существованье
Вечным свой срок.

Смертным велит, жалея
Вечный закон
Быть цветка не умнее,
Верить, как он.
В самый час погребенья,

Идя на суд,
Тень скажет, прощаясь с тенью:
«Гляди, продолжен наш труд!»

РУНЫ НА ВИЛАНДОВОМ МЕЧЕ

Перевод М. Гаспарова

Меня сковали
Предать бойца
В первом бою.

Меня послали
По злое золото
На крайний свет.

Злое золото
Вплывает в Англию
Из глуби вод.

Золотою рыбою
Опять оно канет
В глуби вод.

Оно не за снесь,
Оно не за снасть,
А за Самое Главное.

Злое золото
Спит в казне
Для недобрых дел.

Злое золото
Всходит к миру
Из глуби вод.

Золотою рыбою
Опять оно канет
В глуби вод.

Оно не за снеть,
Оно не за снасть,
А за Самое Главное.

ПЕСНЬ МИТРЕ

Перевод М. Гаспарова

(Тридцатый Легион, ок. 350 г.)

Митра, владыка рассвета, мы трубим твое торжество!

Рим – превыше народов, но ты – превыше всего!

Кончена перекличка, мы на страже, затянут ремень;

Митра, ты тоже солдат, – дай нам сил на грядущий день!

Митра, владыка полдня, зной плывет, и в глазах огни;

Шлемы гнетут нам головы, и подошвы нам жгут ступни;

Время привалу и отдыху, – тело вяло, и дух иссяк.

Митра, ты тоже солдат, – дай нам сил не нарушить присяг!

Митра, владыка заката, твой багрянец красен, как кровь.

Бессмертен ты сходишь с неба, бессмертен взойдешь ты вновь.

Кончена наша стража, в винной пене кипят пузыри

Митра, ты тоже солдат, – дай пребыть в чистоте до зари!

Митра, владыка полночи, для тебя умирает бык.
Мы сыны твои, мы во мраке. Это жертва владыке владык.

Ты много дорог назначил – все к свету выводят нас.
Митра, ты тоже солдат, – дай не дрогнуть в последний час!

ПЕСНЯ РИМСКОГО ЦЕНТУРИОНА

Перевод А. Глебовской

(Римское владычество в Британии, 300 г. н. э.)

Легат, я получил приказ идти с когортой в Рим,
По морю к Порту Итию, а там – путем сухим;
Отряд мой отправленья ждет, взойдя на корабли,
Но пусть мой меч другой возьмет. Остаться мне
вели!

Я прослужил здесь сорок лет, все сорок воевал,
Я видел и скалистый Вект, и Адрианов Вал,
Мне все места знакомы тут, но лишь узнав о том,
Что в Рим, домой, нас всех зовут, я понял: здесь
мой дом.

Здесь счастлив был я в старину, здесь имя
заслужил,
Здесь сына – сына и жену я в землю положил,
Здесь годы, память, пот и труд, любовь и боль
утрат
Вросли навек в британский грунт. Как вырвать их,
легат?

Я здешний полюбил народ, равнины и леса.
Ну лучше ль южный небосвод, чем наши небеса,
Где августа жемчужный свет, и мгла январских
бурь,
И ключья туч, и марта луч сквозь бледную лазурь?

Вдоль Родануса вам идти, где зреет виноград
И клонит лозы бриз, летя в Немауз и Арелат.
Но мне позволь остаться здесь, где спорят испокон
Британский крепкошей дуб и злой эвроклидон.

Ваш путь туда, где сосен строй спускается с бугра
К волне Тирренской, что синей павлиньего пера.
Тебя лавровый ждет венок, но неужели ты
Забудешь там, как пахнет дрок и майские цветы?

Я буду Риму здесь служить, пошли меня опять
Болота гатить, лес валить, иль пиктов усмирять,
Или в дозор водить отряд вдоль Северной Стены,
В разливы вереска, где спят империи сыны.

Легат, не скрыть мне слез – чуть свет уйдет когорта
в Рим!

Я прослужил здесь сорок лет. Я буду там чужим!
Здесь сердце, память, жизнь моя, и нет родней
земли.

Ну как ее покину я? Остаться мне вели!

ПЕСНЬ ПИКТОВ

Перевод И. Оказова

Рим не хочет взглянуть,
Роняя тяжесть копыт
На голову нам и на грудь, —
Наш крик для него молчит.
Часовые идут – раз, два, —
А мы из-за медных плечей
Жужжим, как отбить нам Вал
С языками против мечей.

Мы очень малы, видит бог,
Малы для добра и зла,
Но дайте нам только срок —
Мы сточим державу дотла.
Мы – червь, что гложет ваш ствол,
Мы – гниль, что корни гноит,
Мы – шип, что в стопу вошел,
Мы – яд, что в крови горит.

Душит омела дуб,
Моль дырявит тряпье,
Трет пути крысиный зуб —
Каждому дело свое.
Мы мелкая тварь берлог,

Нам тоже работать не лень —
Что точится под шумок,
То вскрыется в должный день.

Мы слабы, но будет знак
Всем ордам за вашей Стеной —
Мы их соберем в кулак,
Чтоб рухнуть на вас войной.
Неволя нас не смутит,
Нам век вековать в рабах,
Но когда вас задушит стыд,
Мы спляшем на ваших гробах,

Мы очень малы, видит бог,
Малы для добра и зла,
Но дайте нам только срок —
Мы сточим державу дотла.
Мы – червь, что гложет ваш ствол,
Мы – гниль, что корень гноит,
Мы – шип, что в стопу вошел,
Мы – яд, что в крови горит!

«ДАНЬ ДАНИИ»

Перевод С. Степанова
(980-1016 гг.)

Соблазнительно для нации, скорой на руку
формации,
Прийти с мечом к соседу и сказать:
«Вы уже окружены! Вложим мы мечи в ножны,
Если вы согласны откуп дать».

И это зовется «Дань Дании»:
Захватчик дает вам понять,
Что если получит «Дань Дании»,
То армия двинется вспять.

Соблазнительно для нации обленившейся
формации
Мошну свою похлопать и сказать:
«Мы могли бы и сразиться – только некогда
возиться!
Мы предпочитаем откуп дать».

И это зовется «Дань Дании»:
Но, право, пора и понять,
Что стоит хоть раз дать «Дань Дании» —
Захватчик ворвется опять.

Отвратительна для нации перспектива оккупации,
Но ежели придется выбирать —
Откупиться ли деньгами или в бой вступить с
врагами, —
Будет лучше прямо им сказать:

«Отродясь не платили „Дань Дании“!
Да и дело совсем не в деньгах!
Ведь такой договор – это стыд и позор
И для нации гибель и крах!»

НОРМАНН И САКС

Перевод В. Топорова

Норманн, умирая, напутствовал сына: «В наследство прими
Феод, мне дарованный некогда Вильямом – земли
с людьми —
За доблесть при Гастингсе, полчища саксов
повергшую в прах.
Земля и народ недурны, но держи их покрепче в
руках.

Здесь править не просто. Сакс – вовсе не то что
учливый норманн.
Возьмется твердить о правах, а глядишь, он то
шутит, то пьян.
Упрется, как бык под ярмом, и орет про нечестный
дележ.
Дай время ему отойти, ведь с такого немного
возьмешь.

Гасконских стрелков, пикардийских копейщиков
чаще секи,
А саксов не вздумай: взъярятся, взбунтуются эти
быки.
Повадки у них таковы, что хоть князь, хоть

последний бедняк

Считает себя королем. Не внушай им, что это не так.

Настолько язык их узнай, чтобы каждый постигнуть намек.

Толмач не поймет, чего просят, – им часто самим невдомек,

Чего они просят, а ты сделай вид, что их просьбу постиг.

Знай: даже охота не повод, чтоб бросить, не выслушав, их.

Они будут пьянствовать днем и стрелять твоих ланей во тьме,

А ты не лови их, не трогай – ни в темном лесу, ни в корчме.

Не мучай, не вешай на сучьях и рук у них не отрубай:

Ручищи у них в самый раз, чтоб никто не оттяпал твой край.

С женой и детьми приходи к ним на свадьбы, поминки, пиры.

Епископ их крут – будь с ним крут, а отцы приходские добры.

Тверди им о «нас» и о «нашем», когда угрожают враги

Поля не топчи, на людей не кричи и смотри им не

лги!»

ЖЕЛЕЗО

Перевод О. Мартыновой

«Золото – хозяйке, служанке – серебро,
Медь – мастеровому, чье ремесло хитро».
Барон воскликнул в замке: «Пусть, но все равно
Всем Железо правит, всем – Железо одно!»

И он восстал на Короля, сеньора своего,
И сдаться он потребовал у крепости его.
«Ну нет! – пушкарь воскликнул, – не так
предрешено!
Железо будет править, всем – Железо одно!»

Увы баронову войску, пришлось ему в поле лечь,
Рыцарей его верных повыкосила картечь,
А Барону плененье было суждено,
И правило Железо, всем – Железо одно!

Но милостиво спросил Король (о, милостив
Господин!):
«Хочешь, меч я тебе верну и ты уйдешь
невредим?»
«Ну нет, – Барон ответил, – глумленье твое грешно!
Затем что Железо правит, всем – Железо одно!»

«Слезы – боязливцу, молитва – мужику,
Петля – потерявшему корону дураку».

«Тому, кто столько отдал, надежды не дано —
Должно Железо править, всем – Железо одно!»

Тогда Король ответил (немного таких Королей!),
«Вот мой хлеб и мое вино, со мною ты ешь и пей,
Я вспомню, пока во имя Марии ты пьешь вино,
Как стало Железо править, всем – Железо одно!»

Король Вино благословил, и Хлеб он преломил,
И на руках своих Король свой взор остановил:
«Взгляни – они пробиты гвоздями давным-давно,
С тех пор Железо и правит, всем – Железо одно!»

«Раны – безрассудным, удары – гордецам,
Бальзам и умягенье – разбитым злом сердцам».
«Твой грех я искупаю, тебе спастись дано,
Должно Железо править, всем – Железо одно!»

Доблестным – короны, троны – тем, кто смел,
Престолы – тем, кто скипетр удержать сумел».
Барон воскликнул в замке: «Нет, ведь все равно
Всем Железо правит, всем – Железо одно!
Святое Железо Голгофы правит всем одно!»

МАСТЕР

Перевод И. Оказова

Засидевшись за выпивкой в «Русалке»—
Он рассказывал Бену Громовержцу
(Если это вино в нем говорило —
Вакху спасибо!)

И о том, как под Челси он в трактире
Настоящую встретил Клеопатру,
Опьяневшую от безумной страсти
К меднику Дику;

И о том, как, скрываясь от лесничих,
В темном рву, от росы насквозь промокший,
Он подслушал цыганскую Джульетту,
Клявшую утро;

И о том, как малыш дрожал, не смея
Трех котят утопить, а вот сестрица,
Леди Макбет семи годков, их мрачно
Бросила в Темзу;

И о том, как в субботу приунывший
Стратфорд в Эвоне выловить пытался
Ту Офелию, что еще девчонкой

Знали повсюду.

Так Шекспир раскрывал в беседе сердце,
Обручая на столике мизинцем
Каплю с каплей вина, пока послушать
Солнце не встало.

Вместе с Лондоном он тогда, очнувшись,
Вновь помчался гоняться за тенями;
А что это пустое, может, дело,
Сам понимал он.

СЭМЮЭЛ ПЕПИС

Перевод О. Юрьева

Как Дуб, чьи корни проросли
Через немую толщу глины,
Питая соками земли
Плоть нерушимой древесины,

Что, срубленный, навек бы встал
В Остийский мол неколебимо,
Скрепил бы Либурнийский вал,
Неся по миру славу Рима,

Но – силой времени влеком
К богам нежней, чем ветер и море, —
Он (Дуб) сплетается с вьюнком,
И голубь спит в его уборе,-

Так этот человек, вполне
Сознавший (по сей день неложно),
Что должно маленькой стране
На море щит держать надежно,

Зажатый в круг судьбы своей
По воле Вакха с Афродитой,
Хватавший с разных алтарей

Вино чужое, Хлеб сокрытый,

Он не прошел, не утоля,
Ни одного из вождлений,
И муз призвал в свои поля,
И пал пред Клио на колени,

Кем был писать он обречен
О всякой страсти, низкой в мале,
Чтоб грешники необличен—
ные (как мы!) себя узнали!

ПЕСНЯ КОНТРАБАНДИСТА

Перевод И. Грингольца

Пусть тебя разбудит цокот за окном —
Ты не трогай ставни, спи спокойным сном.
Ни о чем не спросишь – не солгут в ответ.
Глазки в стену, крошка, а не Джентльменам вслед!

Два десятка пони
Сквозь туман и мрак,
Курево – Клерку,
Пастору – коньяк,
Кружево – Даме, Шпиону – пакет —
И глазки в стену, крошка, а не Джентльменам
вслед!

Если в куче хвороста углядишь одна
Просмоленные бочонки, полные вина,
Не зови играть подруг, взрослых не тревожь,
Ну-ка все укрой опять, завтра – не найдешь!

Если на конюшне дверь настезь всем ветрам,
Если запаленный конь распластался там,
Если куртку чинит мать, мокрую насквозь,
Если дыр не сосчитать, – все расспросы брось!

Если встретишь ты солдат, королевских слуг,
Что ни скажут – примечай, отвечай не вдруг.
Пусть милашкой назовут, ласке их не верь,
Не сболтни, где кто бывал или где теперь!

Осторожные шаги, свист в ночной тиши —
Слышишь, псы молчат? И ты к двери не спеши.
Верный здесь, и Пинчер здесь – стража лучше нет,
Глянь, они не рвутся с лаем Джентльменам вслед!

Если будешь слушаться – как приедем вновь,
Для французской куклы уголок готовь:
В валансьенском чепчике, бархатный наряд —
Это Джентльмены умнице дарят!

Два десятка пони
Сквозь туман и мрак,
Курево – Клерку,
Пастору – коньяк.
Ни о чем не спросишь – не солгут в ответ.
Глазки в стену, крошка, а не Джентльменам вслед!

ШИВА И КУЗНЕЧИК

Перевод С. Степанова

Шива Жизнодавец, Повелитель сил,
Сидя на Пороге Дома, Живность сотворил:
И большим, и малым корм и карму дал —
И радже, и нищему – всем, кого создал.

Шива Вседержитель! Шива Жизнодавец!
Махадэва! Махадэва! Каждому свое:
Верблюду – колючку, корове – мякину,
Сердце материнское – маленькому сыну.

Жито дал богатым, просо – беднякам,
Корки да горбушки – нищим старикам,
Стервятнику – падаль, тигру – овцу,
Кости да объедки – волку-одинцу.

И большой, и малый – все пред ним равны:
Пищу раздает им на глазах жены.
Парвати решила с Шивой пошутить —
Малого Кузнечика за пазухой укрыть.

Так вот и обманут Шива Жизнодавец!
Махадэва! Махадэва! Ну-ка отыщи!
Это не верблюд тебе, это не корова —

Отыщи попробуй-ка малыша такого!

Парвати сказала, сдерживая смех:

«О Кормилец Мира! Накормил ли всех?»

Шива улыбнулся: «Что же, погляди

На малую козявочку, что прячешь на груди!»

Парвати в смущенье покражу достает —

Видит, что Кузнечик зеленый лист грызет:

«Славься! Славься Шива! Чудо Преблагое!

Руки Миродержца кормят Все Живое!»

Шива Вседержитель! Шива Жизнодавец!

Махадэва! Махадэва! Каждому свое:

Верблюду – колючку, корове – мякину,

Сердце материнское – маленькому сыну.

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Перевод В. Топорова

Вот вам Джунглей Закон – и Он незыблем, как небосвод.

Волк живет, покуда Его блюдет; Волк, нарушив Закон, умрет.

Как лиана сплетен, вьется Закон, в обе стороны вырастая:

Сила Стаи в том, что живет Волком, сила Волка – родная Стая.

Мойся от носа и до хвоста, пей с глуби, но не со дна.

Помни, что ночь для охоты дана, не забывай: день для сна.

Оставь подбирать за Тигром шакалу и иже с ним.
Волк чужого не ищет, Волк довольствуется своим!

Тигр, Пантера, Медведь-князя; с ними – мир на века!

Не тревожь Слона, не дразни Кабана в зарослях тростника!

Ежели Стае твоей с чужой не разойтись никак,
Не горячись, в драку не рвись – жди, как решит
Вожак.

С Волком из стаи своей дерись в сторонке. А то
пойдет:

Ввяжется третий – и те, и эти, – и начался разброд.

В своем логове ты владыка – права ворваться нет
У Чужака, даже у Вожака, – не смеет и сам Совет.

В своем логове ты владыка – если надежно оно.
Если же нет, шлет известье Совет: жить в нем
запрещено!

Если убьешь до полуночи, на всю чашу об этом не
вой.

Другой олень прошмыгнет, как тень, – чем
насытится Волк другой?

Убивай для себя и семьи своей: если голоден, то
– убей!

Но не смей убивать, чтобы злобу унять, и – НЕ
СМЕЙ УБИВАТЬ ЛЮДЕЙ!

Если из лап у того, кто слаб, вырвешь законный
кусок —

Право блюда – малых щадя – оставь и ему чуток.

Добыча Стаи во власти Стаи. Там ешь ее, где лежит.

Насыться вволю, но стащишь долю – будешь за то убит.

Добыча Волка во власти Волка. Пускай, если хочешь, сгниет —

Ведь без разрешенья из угощенья ни крохи никто не возьмет.

Есть обычай, согласно которому годовалых Волчат Каждый, кто сыт, подкормить спешит – пусть вдосталь они едят.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ БАНДАР-ЛОГОВ

Перевод В. Лунина

Длинной гирляндой порою ночной
Мчимся мы между землей и луной.
Ты не завидуешь нашим прыжкам,
Скачущим лентам и лишним рукам?
Ты не мечтал, чтоб твой хвост, как тугой
Лук Купидона, был выгнут дугой?
Злишься напрасно ты, Брат! Ерунда!
С гибким хвостом и беда не беда!

Мы поднимаем немислимый шум.
Головы наши распухли от дум!
Тысячи дел перед нами встают —
Мы их кончаем за пару минут.
Ах, как мудры мы! Ах, как хороши!
Все, что умеем, творим от души.
Всеми забыты мы, Брат? Ерунда!
С гибким хвостом и беда не беда!

Если до нас донесутся слова
Аиста, мыши, пчелы или льва,
Шкур или перьев – мы их различим,

Тут же подхватим и быстро кричим!
Браво! Брависсимо! Ну-ка опять!
Мы, словно люди, умеем болтать!
Мы не притворщики, Брат. Ерунда!
С гибким хвостом и беда не беда!
Светит для нас обезьянья звезда!

Скорее рядами сомкнемся,
лавиной сквозь лес пронесемся,
Как гроздь бананов качаясь на ветках,
взлетая по гладким стволам.
Для всех мы отбросы, так что же!
Мы корчим ужасные рожи!
Напрасно смеетесь! Мы скачем по пальмам
навстречу великим делам!

ПЕСНЬ МАЛЕНЬКОГО ОХОТНИКА

Перевод С. Займовского

Видишь? Мор-Павлин трепещет, раскричались
обезьяны,
Чиль кружит тревожно на больших крылах,
И неясные мелькают в полумраке
Джунглей тени – Это Страх, Охотник-крошка, это
Страх!

По прогалине скользнуло как бы смутное виденье,
И пронесся шепот в сумрачных кустах;
А на лбу вспотевшем капли, и дрожат твои колени
—
Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

Месяц, вставши над горою, серебрит седые скалы,
Звери, хвост поджавши, прячутся в лесах,
Вслед тебе несутся вздохи, и листок крошится
вялый
Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

На колени! За тетиву! И спускай проворно стрелы,
В тьму коварную стреми копыя размах.

Но рука бессильно виснет, но душа оцепенела —
Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

А когда в сиянье молний буря валит ствол и колос
И разверзлись хляби в темных небесах,
Все громовые раскаты покрывает жуткий голос —
Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

Валуны, как щепки, пляшут в волнах бурного
потока,
Пятна молнии дрожат на лепестках,
В горле сушь, и сердце бедное колотится жестоко
—
Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН

Перевод М. Гутнера

На засов тугой закрыла дверь, в очаг подбросила дров,
Потому что увидела блеск когтей и слышала хнычущий зов.

Распелся в хижине огонь и озарил потолок,
И увидел сон Единственный Сын, едва на полу прилег.

Последний пепел упал с головни, и почти потух очаг,
И проснулся опять Единственный Сын и тихо крикнул во мрак:

«Неужели я женщиной был рожден и знал материнскую грудь?
Мне снился ворох мохнатых шкур, на которых я мог отдохнуть.

Неужели я женщиной был рожден и ел из отцовской руки?
Мне снилось, что защищали меня сверкающие клыки.

Неужели я – Единственный Сын и один играл у огня?

Мне снились товарищи мои, что больно кусали меня.

Неужели я ел ячменный хлеб и водой запивал наяву?

Мне снился козленок, ночью глухой зарезанный в хлеву.

Мне снились полночные небеса, и в Джунглях полночный крик,

И тени, скользящие прочь от меня, и красный их язык.

Целый час еще, целый час еще до восхода круглой луны,

Но я вижу как днем, как светлым днем, потолок и бревна стены.

Далеко, далеко Водопады шумят – там оленей ночной водопой,

Но я слышу бляенье оленят, за самкой бегущих тропой.

Далеко, далеко Водопады шумят – там зеленой пшеницы поля,

Но я слышу: рассветный ветер идет, колосья в полях шевеля.

Открой же дверь, я ждать не могу, мне сегодня не спится тут,

Узнаю: сородичи ли мои или волки за дверью ждут?»

Сняла засов, открыла дверь – вокруг рассветная мгла,

И волчица к Сыну вышла из мглы и у ног покорно легла.

«Если в стеклах каюты...»

Перевод С. Маршака

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова
И никто не смеется,
Не пьет и не ест,-

Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,

Пятьдесят вест!

«На далекой Амазонке...»

Перевод С. Маршака

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию, Бразилию,
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,

Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Заповедь

Перевод М. Лозинского

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать как прежде
И никогда не пожалеть о том,
Умей принудить сердце, нервы, тело

Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Будь честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неуловимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

ПРОСЬБА

Перевод Вяч. Вс. Иванова

По вкусу если труд был мой
Кому-нибудь из вас,
Пусть буду скрыт я темнотой,
Что к вам придет в свой час,

И, память обо мне храня
Один короткий миг,
Расспрашивайте про меня
Лишь у моих же книг.

Х Х Х

Серые глаза – рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Черные глаза – жара,
В море сонных звезд скольженье
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.

Синие глаза – луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза – песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.
Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, черных.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю – в том нет вины —
Все четыре этих цвета.

